Алая гроздь турмалина

Автор:
Людмила Мартова

Алая гроздь турмалина

Людмила Мартова

Реставратор Елена Беседина предвкушала новую интересную работу по восстановлению старинного особняка в самом центре города по заказу известного мецената Петра Беспалова. Но когда все уже было согласовано, его убили в этом самом доме! Обнаружившая тело Лена была потрясена, только знакомство с руководителем строительной фирмы Дмитрием Макаровым помогло ей справиться с этой ужасной ситуацией. Вдова Беспалова решила не сворачивать проект в память о муже, и Елена вновь оказалась в злосчастном доме. Что-то не давало ей покоя, заставляя все внимательнее осматривать сохранившиеся детали, особенно старинные печи с барельефами…

Людмила Мартова

Алая гроздь турмалина

Все события вымышлены, любые совпадения случайны.

Красен виноград

Деревянный дом, выходящий фасадом в тень раскидистой липы, притих и словно замер в ожидании неизбежных перемен. Дом был очень стар, – в прошлом году отметил свое двухсотлетие, – однако о своем возрасте и юбилее точно знал

только он. Для всех остальных существовала строчка в Википедии: «построен в первой трети XIX века, автор проекта неизвестен». Но дом трепетно помнил и год, и обстоятельства своего появления на свет, и даже предшествующие этому события, коим он стал неожиданным хранителем.

Эти стены действительно видели и помнили многое. Исторической эпохе дом был не просто свидетелем, а, скорее, участником. Соучастником даже. К своему статусу объекта культурного наследия регионального значения дом относился слегка иронически, но именно он позволял ему до сих пор оставаться в живых.

Расположенный на одной из центральных улиц старинного губернского города, но при этом чуть в стороне от основного людского и машинного потока, в тихом и зеленом месте, он бы уже давно был сровнен с землей, ради возведения какого-нибудь современного особняка, если бы не охранная грамота, прилагавшаяся к статусу.

Благодаря ей, он до сих пор скрипел на ветру и при этом хранил от случайных глаз важную, большую и страшную тайну. Если бы он был живым существом, то, несомненно, считал бы, что в соблюдении этой тайны и заключается его особая миссия. Но он был всего лишь древним деревянным домом, чьи рассохшиеся половицы провалились от старости, фундамент почти рассыпался в крошку, а когда-то величавые колонны на фасаде потрескались, угрожая обрушиться под тяжестью фронтона.

До недавнего времени, точнее, до конца только что отцветшего мая, в доме располагалась музыкальная школа. Однако находиться в нем, кряхтящем от старческих болячек, детям становилось опасно, а потому городские власти с облегчением приняли предложение известного мецената взять дом в льготную аренду за один рубль в год. За это меценат обещал отреставрировать его за свой счет с соблюдением всех требований сложного и запутанного российского законодательства по охране памятников культурного наследия.

Опыт такой тяжелой и неблагодарной работы у мецената имелся. Два года назад он уже взял на тех же условиях ответственность за другой исторический особняк, который с тех пор перебрали до досочке, по кирпичику и полностью восстановили. Теперь этим примером государственно-частного партнерства гордились городские власти, проект реставрации собрал всевозможные архитектурные премии, к особняку возили туристов, а семья мецената даже поселилась в нем, заняв личными покоями второй этаж, а на первом открыв

сувенирную лавку и цветочный магазин.

Теперь и второй дом, по всей видимости, ждала такая же судьба. К предстоящим переменам дом относился настороженно, не желая за здорово живешь отдавать свою тайну. Конечно, оставалась надежда, что ее удастся оставить в секрете: то, что хранил дом, было упрятано надежно. За двести лет не нашли, глядишь, так и останется. А если нет?

Сберегаемая домом тайна была немного постыдной, и привлечения к себе всеобщего внимания, неизбежного, если она вскроется, он вовсе не желал. Вот только изменить ничего не мог. Музыкальная школа съехала, в опустевшие стены уже несколько раз наведывались архитекторы и строители, поэтому дом знал, что до начала ремонтных работ остались считанные дни. Знал и размышлял, кому из бывающих «на объекте» людей доверить свой секрет.

Одна из посетительниц нравилась дому больше других. Невысокого роста хрупкая женщина лет тридцати пяти числилась главным архитектором-реставратором, и в ее облике что-то неуловимо напоминало о дамах, бывавших здесь до 1917 года. Конечно, ни одеждой, ни прической, ни деловитостью она ничуть на них не походила, но почему-то при каждом ее визите дом вспоминал о своем прекрасном прошлом, когда он был молодым, модным и полным жизни. Кажется, у людей это называлось словом «порода». Пожалуй, если выбирать, то дом предпочел бы раскрыть свою тайну ей, но пока лишь наблюдал, пользуясь главным преимуществом своего возраста – терпением и умением ждать.

На улице шел ночной дождь, отбивал чечетку по местами прохудившейся крыше, одна из стен, примыкающая к дворовому фасаду постепенно отсыревала, но сейчас это уже не имело значения. Дом мирно дремал под звуки летнего дождя, сбивавшего липовый цвет и наполнявшего воздух нежным цветочным ароматом вперемешку с озоном. Не было на свете ничего лучше запаха, даруемого летним дождем, и дом чувствовал себя спокойно и умиротворенно, поскольку именно белыми летними ночами ему особенно часто вспоминалось то хорошее, что происходило в его стенах.

То ли в воспоминаниях, то ли во сне, кружились пары в бальном танце, развевались подолы женских шелковых платьев, под аромат сигарного дыма велись степенные мужские разговоры, а в одной из задних комнат играла с дорогой иностранной куклой маленькая девочка со светлыми кудряшками. То, что хранил дом, предназначалось ей, но не сложилось, не срослось. Так бывает.

Странный звук пробудил дом от дремы, заставил вздрогнуть, вызвав дребезжание половиц. Кто-то влез внутрь, аккуратно выдавив стекло со стороны двора. Странно, кто бы это мог быть? Впрочем, кем бы ни оказался неожиданный посетитель, его визит не нес ничего кроме зла. Добрые люди не проникают в чужие дома, выдавливая стекла, да еще под покровом ночи.

Незваный гость не торопился, неспешно обходя комнату за комнатой. Он явно что-то искал, подсвечивая фонариком, свет которого был направленным, а потому невидным с улицы. В руках он держал какой-то лист, периодически переводя взгляд с него на потолок, стены и пол. Много лет дом ждал, когда скрытое в нем кто-нибудь обязательно начнет искать. Неудивительно, что это случилось. И то, что именно сейчас, тоже – шум новости об аренде и последующей реставрации наделали большой. Тот, кто ищет, понимает, что времени у него осталось немного.

Новый звук разрезал ночную тишину. Теперь открылась и мягко закрылась отпертая ключом центральная входная дверь. Шаги, раздающиеся из прихожей, были уверенными, хозяйскими. И проследовали они не в заднюю служебную часть, а в парадную анфиладу комнат. Первый визитер тоже услышал эти шаги – выключил фонарь и замер, видимо, принимая решение.

Старый дом тоже замер, предчувствуя беду. Если бы у него были глаза, то он бы обязательно зажмурился, чтобы не видеть всего того, что будет дальше. Но дома не умеют жмуриться, поэтому, вздыхая и скрипя от волнения, он стал свидетелем очередного поворота истории, свершающегося под его крышей.

Второй визитер даже не успел подготовиться, повернувшись на тихий звук шагов за спиной лишь в самый последний момент. Он лишь вскрикнул от неожиданности, вцепился в то, что держал его враг, и тут же упал от удара нанесенного рукояткой фонаря в висок. Матерясь сквозь зубы (этого старый дом совсем не любил), первый незваный гость окинул взглядом поле короткой битвы, присел, приложив пальцы в резиновой перчатке к шее своей жертвы, снова замер, словно в раздумье, что делать дальше, но задерживаться на месте только что совершенного преступления не рискнул.

Опять прошелестели едва слышные шаги, крякнула рама окна, и человек исчез так же, как появился, нырнув в буйство зелени остатков неухоженного сада. Снова погрузившись в полную тишину, которую теперь ничего не нарушало,

даже летний дождь, дом печально и торжественно смотрел на лежащее в одной из своих гостиных тело. За чем бы ни приходили эти двое, оно пока осталось у дома.

Глава первая

Лена, точнее, Елена Николаевна Беседина, поскольку именно так ее звали практически все знакомые, проснулась словно от удара и села в постели, тяжело дыша и потирая висок, который наливался тупой болью. Часы, мерцавшие в полумраке, показывали классический «час волка» – самое начало четвертого, момент перед летним рассветом, то самое время, когда, по статистике, умирает больше всего людей.

После того как именно в этот проклятый час Лена потеряла сначала отца, а потом и маму, это время она особенно не любила, и, если просыпалась между тремя и пятью часами утра, то чувствовала безотчетную тревогу, даже страх. Она растерла лицо руками и прислушалась к ощущению, похожему на дрожащее внутри желе. Что-то должно случиться.

Встав с кровати, она нащупала ногами тапочки, стараясь двигаться неслышно, вышла из спальни в коридор, дошла до комнаты сына и заглянула через приоткрытую дверь. Разметавшийся на кровати Митька спал крепко и спокойно, как и положено в двенадцать лет. Ее тихих шагов он, разумеется, не услышал. Немного успокоенная Лена вернулась в спальню и рассеянно погладила вопросительно глядящую на нее собаку.

Пес, восемь лет назад подобранный на улице спаниель по кличке Помпон, разумеется, не мог не заметить ее ночных передвижений, но вставать в силу возраста ему уже было лень, потому он спокойно дождался возвращения хозяйки, чтобы убедиться – все в порядке. Помпон был собакой спокойной и с чувством собственного достоинства, так что суетиться не любил.

– Спи, – прошептала ему Лена, – рано еще.

Успокоенный ее голосом, пес послушно откинулся на свою мягкую лежанку и тут же засопел. Лена легла в кровать, жалея, что не может последовать его примеру и твердо уверенная в том, что больше не заснет. Такое с ней случалось, если она просыпалась в «час волка». Нечасто, но, бывало, и главное, что сейчас следовало сделать, это занять голову чем-нибудь полезным, чтобы не попасть в плен к глупым страхам.

К счастью, подумать ей было о чем. В ближайшие дни стартовали работы по реставрации старинного и очень известного дома, за которую она отвечала от и до, поскольку была главным архитектором-реставратором проекта. К дому она относилась с почтением, поскольку его история этого заслуживала, а к новому владельцу с не менее искренним уважением, потому что человеком он был уникальным. В нынешние времена, когда все вокруг покупалось и продавалось, а любые решения принимались только в пользу потенциальной прибыли, этот человек был настоящим меценатом, готовым вкладывать ресурс в виде денег и времени в восстановление памятников истории и архитектуры, которые без этого неминуемо погибли бы, причем уже в ближайшие годы.

Мецената звали Петр Беспалов, и первая встреча с этим человеком состоялась у Елены Бесединой два с лишним года назад, когда он уговорил городские власти передать ему исторический особняк – дом Балуевских. Лена была очень горда тем, что работу по реставрации этого здания он поручил именно ей, хотя особого опыта у Бесединой тогда и в помине не было. Да, она увлекалась историей архитектуры и про городские особняки XIX века знала, пожалуй, все, но ее реставрационное портфолио было более чем скромным.

Беспалов ей поверил, и она поклялась самой себе, что не подведет. За хранившимися в архиве материалами по истории дома Балуевских она провела не одну ночь, над чертежами и эскизами – и того больше, но результат превзошел все ожидания. Дом засиял новыми красками, сохранив при этом свои уникальные черты и максимум исходных материалов. Его разобрали, почистили, ошкурили, собрали, укрепили и покрасили фактически заново, и сейчас это был, пожалуй, лучший в их городе образчик особняка XIX века, в котором можно жить, работать и проводить экскурсии без опаски падения чего-нибудь на голову. К сожалению, таким состоянием другие старинные дома в их городе похвастаться не могли.

Работа была закончена только осенью, но за прошедшие месяцы Лена успела соскучиться по ежедневным визитам на объект, к которому относилась как к

своему ребенку. Она знала в доме каждую трещинку, каждую половицу, каждый наличник. Она любила его и знала, что он отвечает ей взаимностью. Дом был благодарен Елене Николаевне Бесединой за то, что она его спасла.

Наверное, своему владельцу дом был благодарен, в первую очередь, но Беспалов теперь в нем жил вместе со своей женой, так что пользоваться результатами этой благодарности мог сполна, а вот Лена бывала там нечасто. Если уж быть совсем точной, то с октября, когда была закончена реконструкция, и до марта, когда Беспалов пригласил ее в гости, чтобы объявить: берет в льготную аренду второй старинный особняк, – в доме Балуевских она не бывала ни разу. И только войдя внутрь просторной гостиной, поняла, как сильно, оказывается, соскучилась.

– Здравствуй, – шепотом сказала она дому, с которым привыкла разговаривать во время ежедневных встреч. В ее понимании дом был живым существом, но Лена никому про это не рассказывала, чтобы не сочли сумасшедшей. В сознании окружающих она и так числилась женщиной со странностями.

К предложению возглавить новые реставрационные работы она отнеслась с восторгом, потому что это означало не только стабильный заработок, но и интересную задачу, в которую можно нырнуть с головой. На этот раз Беспалов был намерен вложить средства в спасение одноэтажного старинного особняка, носившего имя своего последнего владельца – бывшего городского головы Николая Яковлева, возглавлявшего их небольшой губернский город с 1893 по 1917-й.

Информации о доме, являющимся памятником культурного наследия регионального значения, было немного. Даже год постройки был приблизительным – первая половина XIX века, а уж имя архитектора и автора проекта вообще неизвестно. Со стороны улицы это был одноэтажный особняк с высокой цокольной частью, сейчас изрядно разрушенной, выполненный в подчеркнуто парадных ампирных тонах. Центр здания выделялся шестиколонным тосканским портиком с фронтоном. Окна декорированы тонкими, слегка изогнутыми сандриками-«бровками».

Дворовый фасад дома выглядел значительно проще – не имел портика, определяющим всю архитектуру был низкий антресольный этаж и характерное для провинциальных купеческих особняков крыльцо с зонтом на металлических узорных кронштейнах. Вдоль уличного фасада шла анфилада парадных комнат,

то есть залы и гостиных, со стороны дворового фасада располагались спальни и комнаты для прислуги. Сбоку к дому когда-то примыкал зимний сад, уничтоженный после революции.

На данный момент из элементов внутреннего интерьера сохранились только межкомнатные двери из красного дерева с позолотой, и, пожалуй, проект можно было бы считать скучным, если бы не изразцовые печи в каждой комнате, декорированные белым кафелем и украшенные античными фигурами: были танцовщица в древнегреческой одежде, муза с лирой в руках и два воина в доспехах. Задача по реставрации этих четырех фигур – по числу парадных гостиных, – по интересности с лихвой компенсировала все остальные рутинные работы по подъему и укреплению фундамента, очистке, ошкуриванию и покраске стен, замене прогнивших половиц, усилению конструкции портика и восстановлению внутреннего убранства. Но браться за печи стоило лишь в последнюю очередь, когда основные работы будут уже позади. Хороший стимул работать быстро.

Погрузившись в архивные материалы, Лена, например, с изумлением обнаружила, что печи в доме Яковлева повторяют старинные печи в доме Мятлевых, возведенном в XVIII веке на Исаакиевской площади в Санкт-Петербурге. Ей было любопытно, как связаны два старинных дома, построенные с разницей более, чем полвека в совершенно разных городах и не имеющие, кроме печей, ни одной общей черты, но в интернете и в архивах об этом ничего не было, и больше думать про это Лена Беседина не стала, потому что к реставрации это вряд ли имело отношение. Просто внутри зудело любопытство, но эту черту своего характера Лена знала и пыталась держать его в узде.

На переговоры ушло довольно много времени, но с того момента, как Беспалов подписал с ней контракт, она бывала в доме Яковлева практически ежедневно. Сейчас, по прошествии двух недель ей начало казаться, что этот особняк тоже доверился ей и готов разговаривать на понятном только им двоим языке. Поэтому, по утрам приезжая на объект, она так же тихонько говорила дому «здравствуй», а он поскрипывал в ответ несложное приветствие, гарантирующее, что день пройдет хорошо. В конце концов, звание женщины со странностями нужно было оправдывать.

Сегодня у Лены была назначена первая встреча со строителями, которые под ее чутким руководством должны были выполнять все работы. Та бригада, с которой она работала на доме Балуевских, сейчас оказалась занята, поэтому после

долгих и придирчивых изысканий Лена и Беспалов остановились на небольшой, но опытной компании «Турмалин». Ее основатель, владелец и директор Дмитрий Макаров, имел репутацию человека слова, обладал деловой хваткой и умел ладить с рабочими, которые под его надзором не уходили в запой, не продавали стройматериалы с объекта и не работали спустя рукава.

Точнее, проводил переговоры и принимал решение, конечно, Беспалов, а Лена просто навела справки, потому что напрямую общаться со строителями предстояло именно ей. Собранная информация вселяла некоторое спокойствие, так что никаких особых волнений по поводу первой встречи с Макаровым Лена не испытывала. Но подготовиться стоило, тем более что время позволяло. Решительно выбравшись из кровати, она села за письменный стол, разложила чертежи и погрузилась в работу. До встречи, намеченной на восемь утра, оставалось четыре часа, а еще же Митьке надо завтрак приготовить.

Впрочем, в чертежи она сейчас вглядывалась только ради того, чтобы сбежать от проснувшегося внутри неведомого страха. По большому счету все давно было готово, но проверять себя в мельчайших деталях лучше, чем тревожиться неведомо из-за чего.

Через два часа Лена, наконец, аккуратно собрала необходимые бумаги в папку и пошла на кухню, приняв решение испечь блины, которые сын очень любил. Вечно занятая мать баловала его кулинарными изысками нечасто, обычно сыну приходилось довольствоваться на завтрак кашей или творогом со сметаной, но почему бы и нет, раз есть время.

Без четверти восемь на столе стояла пышная стопка блинов, укрытых для верности полотенцем, плошка с вареньем и добытая из холодильника банка с красной икрой. Митька проснется, а тут вкусный завтрак, вот и хорошо, вот и славно. Мазнув помадой по губам и бросив критический взгляд на отражавшуюся в зеркале не очень молодую уже женщину с растрепанными короткими волосами и каким-то потухшим взглядом, Лена похлопала по карманам, проверяя, на месте ли телефон, ключи от машины и проклятущая маска, без которой нынче никуда. Она схватила рабочую папку и отправилась на встречу, от которой напрямую зависел предстоящий, – и довольно надолго – отрезок жизни.

Ровно в восемь – больше всего Елена Николаевна Беседина ценила в людях пунктуальность, – она поднялась на небольшое крыльцо дома Яковлевых и вставила в замочную скважину выданный ей Беспаловым ключ. Замок почему-то

не проворачивался. Дом оказался открыт, и это было странно. Кроме нее, ключ имелся только у Беспалова, но Петр Алексеевич приходить сегодня на ее встречу с владельцем «Турмалина» не собирался. Комплект ключей для строителей у Лены был с собой.

Она толкнула дверь, шагнула через порог, немного удивленная стоящей в доме тишиной. Сегодня он не приветствовал ее привычными тихими скрипами. Сердится, что ли?

– Здравствуй, – шепотом сказала Лена, но дом по-прежнему молчал, словно она была нежеланной гостьей, не имеющей права здесь находиться. Странно, очень странно.

Улегшаяся, было, за выпечкой блинов тревога снова противно сжала горло. Лена почувствовала тошноту, которая всегда была спутницей ее страхов, и нерешительно потопталась в темной прихожей, словно не зная, что делать дальше.

– Ау, тут есть кто-нибудь? – позвала она тонким голосом, который казался противным, чужим.

Дом в ответ вздохнул, словно очнувшись и узнавая ее, – как будто шелест ветра прошел по открытым рукам – на ней была футболка с короткими рукавами. Может, зря она не захватила жакет? На улице, конечно, сегодня обещали плюс двадцать пять, но в давно нетопленном деревянном доме было ощутимо холодно. А еще тянуло сквозняком, которому взяться было совершенно неоткуда.

Она захлопнула входную дверь, и струя воздуха тут же исчезла, значит, и впрямь сквозняк. Задняя дверь тоже открыта, что ли? Не совсем понимая, что делать дальше, Лена с опаской заглянула из прихожей в пустую залу. Там никого не было, да и ветром тянуло совсем с другой стороны. Стараясь ступать неслышно, она прошла в задние комнаты, тоже пустые. Лишь в одной из них, выходящей в самый темный угол сада было выбито стекло. Так, по крайней мере, источник сквозняка найден.

Зачем кому-то пробираться в дом, Лена не понимала. В нем не было, да и не могло быть ничего ценного, только готовые к ремонту голые стены. Поглядев на

часы, показывающие уже восемь минут девятого, и кляня подрядчика, который опаздывал, она вернулась в прихожую и через зал прошла в первую гостиную, потом во вторую, в третью.

Там на полу ничком лежал человек, одетый в темные джинсы и толстовку. Слетевшая с головы кепка валялась рядом. В первое мгновение Лена его не узнала. В нем не было ни капли аристократического лоска, он был одет как случайный прохожий, собравшийся, скажем, на субботник. Человек, с которым она была знакома, никогда так не одевался, предпочитая строгие брюки с безукоризненными стрелками, белые рубашки, модные пиджаки и даже шелковые шейные платки, которые сейчас уже давно никто не носил.

Рядом с начавшей седеть головой натекла и уже свернулась небольшая темно-бурая лужица. Кровь. Осознание, что это именно она, пришло как-то внезапно, и следующая отстраненная мысль была о том, что кровь пролилась уже давно, и живые люди так не лежат. И только в следующее мгновение Лена узнала человека на полу. Это был ее работодатель, бизнесмен и меценат Петр Алексеевич Беспалов.

* * *

Дмитрий опаздывал и сердился на себя. Пунктуальность он ценил в людях больше других качеств, и сам слыл человеком высокоорганизованным, поэтому терять этот имидж, немало помогавший в работе, не собирался. И вот позорно опаздывал на первую встречу.

Причина его опоздания была до банального проста – застрявший не вовремя лифт, но какая разница? Город стоял в утренних пробках, на дороге, ведущей из спального микрорайона, где ему сегодня привелось заночевать, они были особенно лютыми. Дмитрий рывком направлял машину в любой просвет, перестраивался из ряда в ряд, чего обычно никогда не делал и у других терпеть не мог, с трудом сдерживался, чтобы не зарычать сквозь стиснутые от недовольства собой зубы.

Остановиться, оглянуться…

Случайно, вдруг, на вираже,

На том случайном этаже,

Где нам доводиться проснуться…

Это стихотворение поэта Александра Аронова очень любила и часто цитировала мама, и сейчас строчки всплыли в голове, неведомо откуда. Скорее всего, это случилось потому, что сегодня Дмитрию Макарову действительно довелось проснуться на случайном этаже. Ведь не хотел же, как-то само собой получилось! И, словно в отместку за случайность и несдержанность, застрял в лифте, из-за чего он теперь опаздывал на встречу. Спал бы в своей постели, не было бы никакого лифта и опоздания.

Светофор опять мигнул и переключился на красный, из-за чего еле ползущая вереница машин снова остановилась. Дмитрий чертыхнулся и нервно посмотрел на часы, показывающие восемь минут девятого. Что ж, еще через семь ситуация будет выглядеть совсем неприличной, а ему предстоит преодолеть мост через железнодорожные пути, безнадежно забитый машинами, потом проехать еще два квартала и где-то развернуться, потому что к нужному дому нет левого поворота. Черт, черт, черт!

Нервы почему-то были натянутыми до предела, что казалось странным. В конце концов, ночь он провел не без приятности, и обычно качественная сексуальная разрядка приводила его в довольно умиротворенное, почти расслабленное состояние. Что не так с этим случайным этажом? Ладно, сейчас важно разобраться в другом.

Не сводя глаз с дороги, чтобы стартануть в ту же секунду, как это станет возможным, Дмитрий потыкал в экран телефона, чтобы найти и набрать нужный номер. Скорее всего, человек, с которым он должен встретиться, не уйдет, а подождет какое-то время. Работа у него такая, человек подневольный. Но предупредить все равно надо. Деловой этикет, мать его!

Этот деловой этикет, являющийся важной имиджевой составляющей, Дмитрий как-то битый час обсуждал с Дашей, новой женой своего брата Женьки. Старую, точнее, первую жену он терпеть не мог, особенно после всей нервотрепки, которая была связана с разводом. А новая оказалась очень даже ничего – самостоятельная, умненькая, симпатичная, да и Женьку любила неистово. Терпела и нечеловеческую его работу в полиции, и необходимость переехать из Москвы в провинцию только потому, что Женька столицу не любил и жить там

не собирался, и не очень простой его характер, и даже увлечение поисковой деятельностью, которая даже Макарову-старшему казалась блажью.

Женька и Даша встретились посредине настоящего детектива с убийством и поиском драгоценностей[1 - Подробнее в романе Людмилы Мартовой «Лунная дорога в никуда».], поженились полтора года назад, и недавно в семье появилось пополнение – дочка Ксюшка, похожая на маму, на папу и даже на дядю Диму. По крайней мере, убежденному холостяку Дмитрию очень хотелось в это верить. Своих детей у него не было. Кажется.

Телефонный звонок, выведенный на громкую связь, ввинчивался в черепную коробку. Почему-то трубку никто не брал. Не слышит она что ли? Не включенный с утра звук на телефоне он тоже считал проявлением расхлябанности. Деловой человек должен быть на связи, чтобы не пропустить ничего важного. Дмитрий не считал гудки, но их было не меньше десяти. Он хотел сбросить звонок, но тут светофор наконец-то смилостивился, включил зеленый сигнал, разрешая ехать, и Дмитрий не стал тратить время на телефон, бог с ним, пусть звонит.

Он умело перестроился в другую полосу, подрезав какого-то зазевавшегося бедолагу, ухмыльнулся в ответ на резкий звук клаксона, возмущенного его удалью, въехал, наконец, на мост и вдруг осознал, что раздражающие гудки больше не разрывают салон. Теперь в динамиках слышались какие-то странные звуки: то ли всхлип, то ли стон, то ли прерывистое дыхание.

– Але, гараж, – сказал он зачем-то. Почему вдруг «гараж»? – Але, вы меня слышите?

– Да, слышу, – не сразу, но все же откликнулся слабый и какой-то насморочный, полупридушенный женский голос. – И это так хорошо, потому что позволяет осознавать: я не сошла с ума. Пожалуйста, не отключайтесь.

Да, кто-то ему говорил, что женщина – архитектор, с которой ему предстояло работать на новом объекте, странная. Он тогда не очень внимательно слушал, поэтому сути ее странностей не уловил. Это было совершенно неважно: работать можно вообще с кем угодно, особенно когда речь идет о таком крупном и ответственном заказе, как неожиданно свалившаяся ему на голову реставрация дома Яковлева. Новый вызов и новые возможности, – и только это имело значение, а со странностями разберемся. Забавно, что первая из них не

заставила себя ждать. Но неприятно, что это оказалась истеричность. Ее в женщинах Дмитрий не терпел совершенно. Просто на физиологическом уровне не выносил.

– Я не отключаюсь, – любезно заверил Дмитрий. – Просто хотел предупредить, что совершенно неожиданно опаздываю. Но думаю, что минуты через четыре уже подъеду. Вы же на объекте?

Кажется, она снова всхлипнула.

– Да, я на объекте и совсем не знаю, что мне делать, – услышал он и поморщился. В его понимании жизни люди всегда знали, что делать. И мужчины, и женщины. – Дмитрий Михайлович, приезжайте, пожалуйста, побыстрее, я дождусь вас, и мы вместе позвоним в полицию.

В полицию? Он не понял, зачем нужно туда звонить, но внутренним чутьем, присущим охотникам и успешным бизнесменам, вдруг понял: случилось что-то серьезное. Настолько серьезное, что волоски на руках ощетинились под закатанными рукавами рубашки, которую он сегодня не имел возможности сменить на свежую, потому что ночевал не дома. Рубашка его до этого смущала, а сейчас разом перестала, потому что Дмитрий Макаров всегда умел мгновенно отделять главное от второстепенного.

– Елена… – он покопался в памяти и вспомнил, – Николаевна, не переживайте, я практически добрался, так что сейчас все решу.

Она потешно засопела в трубку, как будто он сказал что-то смешное, но вникать в оттенки настроения собеседницы Дмитрию не хотелось, да и некогда было. В этот момент он как раз, нарушая все мыслимые правила дорожного движения, разворачивался через двойную сплошную перед домом Яковлева, чтобы не терять время на объезд двух кварталов. Практически из-под колес его джипа, истошно визжа шинами и клаксоном, выпорхнула какая-то машина, а он даже головы не повернул.

На небольшой парковке перед домом стояла ярко-голубая «Киа Спортэйдж». Дмитрий мимолетно удивился: он отчего-то был уверен, что у дамы-реставратора должно быть что-то более женское и скромное. По крайней мере, ее голос (не сегодняшний полуобморочный от страха, а когда она накануне

договаривалась о встрече) почему-то вызывал ассоциации с «Шевроле Спарк» или «Киа Пиканто». Да и сегодняшние всхлипы со «Спортэйджем» не вязались. Хм, странно, надо будет обдумать.

Припарковавшись рядом, Дмитрий выскочил из машины, хлопнул по ручке двери, запирая своего верного друга и широким шагом направился к воротам, ведущим в сад. Никакого положенного трепета старый дом в нем не вызывал. С точки зрения бизнесмена Макарова, это была полуразрушенная халабуда с текущей крышей, неудобным расположением комнат и низкими потолками. За те деньги, которые требовались на ее реставрацию, можно было построить ультрасовременный и максимально удобный особняк, однако свое мнение Дмитрий предусмотрительно держал при себе.

Если владелец дома готов вкладывать баснословные средства в реставрацию, то это, несомненно, его личное дело. А дело Дмитрия Макарова – тщательно следить за своими сотрудниками и ходом работ, ни на йоту не отходить от проекта и не выбиваться из рассчитанной сметы. Не так уж и сложно, честно говоря, особенно если вспомнить сумму предоплаты, которая буквально накануне упала ему на счет. То есть на счет «Турмалина», разумеется.

Входная дверь была закрыта, но не заперта, Дмитрий вошел внутрь, попав из солнечного утра в промозглый полумрак коридора и на мгновение потеряв способность видеть. По рукам потянуло холодком, словно в другом конце дома была открыта форточка. Сквозняки, гуляющие в старых домах, он тоже не терпел, искренне не понимая, как тут могли жить люди. Да еще не самые последние в городе.

В доме было тихо. Дмитрий на мгновение испугался, вдруг с разговаривавшей с ним женщиной что-то случилось за то короткое время, пока он добирался до места.

– Эй, вы где? – позвал он.

Звук, многократно отраженный от голых деревянных стен, пробежался по пустынным комнатам гулким эхом.

– Я здесь, – услышал он тихий, но уже не такой измученный голос и пошел на него, пытаясь понять, что именно тут могло произойти.

Женщину, с которой у него была назначена встреча, он нашел в третьей по счету гостиной, привычно успев подумать про идиотизм, именуемый анфиладой. Неудобно это, непрактично и старомодно. Елена Николаевна Беседина, архитектор-реставратор, нанятая на объект старшей и являющаяся, в своем роде, начальником ему, Дмитрию Михайловичу Макарову, стояла у окна, вжавшись в подоконник и для верности вцепившись в него руками. Лицо у нее было бледное, глаза заплаканные. Мышь что ли увидела?

– Здравствуйте, – машинально сказал вежливый Дмитрий, – что тут у вас случилось?

Почему-то, войдя в комнату, он даже не подумал посмотреть по сторонам, зацепившись глазами за ее лицо, и теперь послушно перевел взгляд куда-то вправо, вперед и вбок, руководствуясь слабым движением ее руки. Что он был совсем не готов увидеть, так это труп на полу.

То, что это именно труп, Дмитрий понял сразу и почерневшую лужицу свернувшейся крови тоже оценил мгновенно, словно внутренним зрением. А вот для того, чтобы узнать лежащего в крови человека, ему понадобилось сделать несколько шагов, не пересекая, впрочем, условной черты, чтобы не натоптать на месте преступления.

Петр Беспалов. Его наниматель, бизнесмен и меценат, владелец дома Яковлева, по какой-то странной прихоти скупающий и реставрирующий старинные особняки. Тот самый человек, который только вчера перевел Дмитрию аванс на закупку материалов. Интересно, и что с этим теперь делать?

То, что даже в такой момент он думает о делах, а не об ужасной смерти, настигшей этого мало знакомого, но, по всему похоже, достойного человека, заставило его внутренне усмехнуться от того, что он верен себе. Окружающие, особенно женщины, часто говорили Макарову, что он – бездушная машина, лишенная человеческих эмоций. Если честно, этим своим умением в любой ситуации держать себя в руках Дмитрий даже гордился. Но сейчас почему-то промелькнувшая в голове мысль о деньгах царапнула его самого.

– Что здесь случилось? – спросил он, вернувшись на безопасный клочок пола у окна, где стояла бледная как мел женщина. Хоть в обморок не падает, и на том спасибо. – Вы были здесь, когда его… когда он умер?

Она покачала головой, заставила себя отвести взгляд от Беспалова и уставилась в лицо Дмитрию. На него смотреть наверняка было приятнее. Он невольно отметил, что глазищи у нее огромные, как блюдца, и прозрачно-голубые, словно вода в летнем озере. Впрочем, такой эффект вполне могли давать все еще стоящие в них непролитые слезы.

– Я не знаю, – тихо сказала она. – Приехала сюда ровно к восьми, как мы с вами и договаривались. – Обнаружила отпертую дверь, разбитое стекло в одной из задних комнат и Петра Алексеевича на полу.

– Вы подходили к телу, трогали что-нибудь? – быстро спросил Дмитрий. – К примеру, могли сделать это машинально, чтобы проверить, жив ли он.

– Я не подходила и ничего не трогала. Вы же сами видите, что Петр Алексеевич окончательно и бесповоротно мертв. Для того чтобы это понять, мне достаточно было только его увидеть, а вот проверять пульс совсем необязательно. Я не хотела топтать. Тут могут быть следы.

Что ж, она не дурочка и, несмотря на нестандартность ситуации, в панику не впала. Дмитрий Макаров посмотрел на Елену Беседину с толикой уважения во взоре.

– У вас есть предположения, как он мог здесь оказаться, да еще ночью? – задал он следующий вопрос, уже прикидывая, что будет делать дальше.

– Ночью, потому что кровь уже свернулась? – снова проявила чудеса догадливости собеседница. – Я, пока вас ждала, всю голову сломала, если честно. В том-то и дело, что приезжать сегодня на объект Петр Алексеевич не собирался. Мы должны были встретиться с вами вдвоем, чтобы посмотреть ваши предварительные сметы, сделанные по моим чертежам, а уже потом, после корректировок, которые мы бы внесли как специалисты, он собирался все это утвердить и пустить в работу. Нечего ему тут было сегодня делать, а уж ночью тем более. Это его дом, он тут мог с утра до вечера бывать с полным на то правом.

– Вы кому-нибудь звонили? – спросил Дмитрий.

– Кому я могла звонить? – не поняла она. – В полицию только, и я как раз собиралась, но тут вы сообщили, что сейчас приедете, и я решила вас дождаться. Честно говоря, не очень представляю, как именно докладывают о том, что нашли труп.

– Речевым аппаратом, – нелюбезно сказал Дмитрий. – Обычными человеческими словами. А звонить вы могли, к примеру, жене Беспалова. Вы же ее знаете.

– Галине? – изумленно уточнила Беседина.

– Наверное, не имею чести быть с ней знакомым, поэтому не знаю, как ее зовут.

– Ну, что вы! Разве вы не знаете, что у Беспаловых по всему городу торговая сеть маленьких сувенирных магазинчиков, в которых еще продаются цветы? Называются «Гала», в честь Галины Леонидовны.

– Понятно, лавры Сальвадора Дали явно не давали Петру Алексеевичу спокойно спать по ночам, – вздохнул Дмитрий. – Банально, знаете ли, называются эти самые магазины. Потому что все вторичное – банально.

– Да вам-то какая разница, – собеседница сверкнула глазищами так яростно, что Дмитрий внезапно понял, почему она ездит на «Спортэйдже». Эта невысокая и довольно субтильная дамочка, оказывается, обладала характером. Хм, интересно. – Беспалов очень любит свою жену. То есть, – она на мгновение запнулась, – любил. И гармония у них в семье царила удивительная, такое в наше время нечасто встретишь. И если он захотел назвать магазины в честь жены, то мог себе это позволить, даже если вам это кажется банальным. И да, я не звонила Галине, мне это даже в голову не пришло, потому что я не представляю себе, как это вообще возможно: не глядя в глаза, по телефону сообщить, что ее мужа больше нет.

– Да ладно-ладно, что вы раскипятились-то, ей-богу, – примирительно сказал Дмитрий. – Не звонили и не надо. Просто вы должны понимать, что те же самые вопросы вам обязательно задаст полиция.

– Слушайте, давайте ее уже вызовем, – устало попросила Беседина, из которой, казалось, выпустили весь воздух. – А то мы как-то глупо теряем время. Куда надо звонить? 02?

– Сейчас вызовем. Я позвоню своему брату, он работает в уголовном розыске, – успокоил ее Дмитрий. – Он все сделает, как надо. Вы бы присели куда-нибудь, пока мы ждем, а то на вас лица нет. Боюсь, что вы сейчас просто свалитесь.

– Не свалюсь, я гораздо сильнее, чем вам кажется, – ответила она. – Хотя, признаюсь, была бы не против, если бы вы приехали вовремя, и нашли труп вместо меня. Почему вы вообще опоздали?

У нее не было никакого права задавать ему подобные вопросы и выговаривать за опоздание словно мальчишке. В обычной ситуации Дмитрий обязательно бы ее отбрил, как только что сделала она, попеняв ему за Галу, но почему-то вместо этого он промямлил:

– Не поверите, в лифте застрял.

– Вы правы, не поверю, – печально сказала она. – Глупую какую-то отмазку придумали, детскую. Ладно, звоните, а я пока на крыльце подожду.

Проводив ее глазами, он вздохнул, набрал телефонный номер и коротко ввел брата Женьку в курс дела. Тот молча выслушал, задал несколько вопросов и отключился, велев ждать. Все коротко и по делу. Впрочем, сантиментов от брата Дмитрий точно не ждал. Еще раз покосившись на лежащий на полу труп, он тоже вышел на крыльцо, где на ступеньке сидела пригорюнившаяся Елена Беседина, подпершая ладонью щеку и от этого похожая на сказочную сестрицу Аленушку. Лицо у нее уже было не таким бледным, хотя все равно печальным. Почему-то в этот момент Дмитрий был готов многое отдать, чтобы увидеть, какая она, когда улыбается.

– Сейчас приедут, – сказал он, понимая, что ситуация к веселью точно не располагает. – Вы не переживайте, мой брат и его коллеги обязательно во всем разберутся.

– Я знаю, – сказала она. – Я с доверием отношусь к правоохранительным органам. Даже не сомневаюсь, что преступление будет раскрыто. И переживаю сейчас совсем о другом?

– О чем же?

– Меня беспокоит, что теперь будет с домом, – с горечью сказала Елена. – Он разрушается, и решение Петра Алексеевича начать реконструкцию было спасительным для этого здания. Захочет ли теперь Галина Леонидовна начать работу, я не знаю. Но если этого не произойдет, то дому грозит гибель. А мы с ним успели подружиться.

Н-да, – не один Дмитрий Макаров был настолько лишен эмпатии, что, стоя над трупом, думал о продолжении проекта. Оказывается, его собеседницу тоже волновало, состоится ли реставрация. Что ж, ее можно понять. Этот проект способен кормить ее в течение года, как минимум. Разумеется, причина волнения кроется именно в этом. Дружба с домом – это же пустячок, сказанный явно для красного словца.

– Я кажусь вам странной? – спросила Беседина, видимо, читая по лицу Дмитрия как по открытой книге. – В нескольких метрах лежит мертвый человек, которого я хорошо знала, а я переживаю не из-за него, а из-за какого-то дома? Просто Петру Алексеевичу я уже точно помочь не могу, а вот спасти дом еще возможно. Не хотелось бы, чтобы у этого преступления было две жертвы, а не одна.

Преступление. Слово было произнесено. До этого момента Дмитрий даже самому себе не признавался в том, что было ясно с первого же взгляда, брошенного на лежащее на полу тело. Петра Беспалова убили, в этом не могло быть никаких сомнений. И вот над тем, кому мог помешать известный в городе бизнесмен, а также имело ли это отношение к Дмитрию Макарову, стоило поразмышлять.

С улицы раздался вой сирены, и за воротами послышался шорох шин. Дмитрий снова вздохнул, внутренне собираясь перед тем, через что им с Еленой предстояло пройти, и протянул ей руку.

– Вставайте, полиция приехала. И ничего не бойтесь.

Она посмотрела на него непонимающе, легко вскочила с крыльца, не прибегая к помощи, отряхнула ладони о джинсы и выпрямилась, с легким прищуром глядя на входивших в сад людей в форме. Дмитрий понял, что она совершенно точно не боится.

* * *

1806 год

Барон Курт фон Стедингк сидел в изрядно продавленном кресле в одном из своих покоев на одиннадцать комнат в доме, принадлежавшем когда-то знатному вельможе, балагуру и повесе Льву Александровичу Нарышкину. Слыл тот человеком веселым и хлебосольным, постоянно устраивал в своем особняке приемы, празднества и обеды. На них бывала даже императрица Екатерина Вторая, именно этот факт был истинной причиной того, что барон фон Стедингк после четырнадцати лет жизни в Санкт-Петербурге поселился в доме.

Сейчас особняком, имевшим два внутренних двора, большой зал с галереями и длинную анфиладу роскошных комнат, владел сын Нарышкина Александр Львович, но закатываемые здесь балы и пирушки, по-прежнему, считались первостепенными в столице. Дом был вообще постоянно открыт для гостей. Впрочем, шведского посланника при русском дворе Стедингка это вполне устраивало.

В доме Нарышкина он арендовал целый этаж и в свободное от основной работы, требующей передвижений по стране, время с удовольствием принимал участие в празднествах, а также и сам периодически организовывал балы, поскольку Швеция хотела выглядеть в глазах иноземцев значительной державой.

Особняк Нарышкина считался одним из красивейших зданий Санкт-Петербурга. Построенное в шестидесятых годах XVIII века архитектором Жаном Батистом Мишелем Алленом Де ля Мотом здание главным фасадом выходило на Исаакиевскую площадь. Центральный вход был исполнен в виде портика: четыре колонны тосканского ордера поддерживали оформленный кованой решеткой балкон второго этажа, а по бокам от дверей были установлены резные барельефы.

Парадная анфилада комнат занимала второй этаж и тянулась вдоль главного фасада. Здесь же располагался большой зал с колоннадой, поддерживающей хоры, и пилястрами из искусственного мрамора, а также гостиные с удивительной красоты изразцовыми печами, тоже украшенными барельефами – античными фигурами, которые Стедингк любил разглядывать. Во время балов он частенько останавливался перед той или иной печью, сам не зная, почему. Но именно здесь, в этих комнатах, ему лучше думалось над тайной, которую он приехал разгадать.

Свой этаж он снимал за тысячу рублей в месяц, но это была малая цена за возможность и вести жизнь на приличествующем его положению уровне, и исподволь собирать информацию о том, что произошло в этом доме четверть века назад. Точнее, 24 ноября 1780 года на церемонии бракосочетания дочери Льва Нарышкина, фрейлины двора Натальи, с графом Иваном Соллогубом. На венчании, как известно, присутствовала императрица Екатерина, именно в этот день лишившаяся одной ценной вещи. Очень-очень ценной, это шведский посланник знал как нельзя лучше. След именно этой вещи ему и предстояло найти.

Барон фон Стедингк искал знаменитый рубин Цезаря. Известный как «Большой рубин» или «Красный камень», он имел форму виноградной грозди. Родиной камня была Бирма, а весил он больше двухсот пятидесяти карат, что объясняло его огромную стоимость. Камень был оправлен в золотые виноградные листья и усики, а закрученный стебелек образовывал петельку-крепление, благодаря которой камень можно было носить в виде кулона. Листья неизвестный мастер покрыл зеленой эмалью, стебелек черной, и в целом это было не просто украшение, а произведение искусства.

Рубин Цезаря, что понятно по названию, был подарен знаменитому римскому императору его возлюбленной Клеопатрой, затем оказался в руках Карла Великого, позднее перехвачен тамплиерами, от них перешел к иезуитам и неведомыми путями оказался в руках французского короля Карла IX. После смерти Карла камень перешёл к его вдове Елизавете Австрийской, потом – к её брату, королю Богемии Рудольфу II, а в 1648 году во время Тридцатилетней войны рубин Цезаря был захвачен шведами в Праге, передан королеве Кристине и после ее смерти перевезен в Стокгольм.

История камня, признаться, мало интересовала шведского посланника. Будучи человеком военным, он не был склонен к размышлениям об исторических реликвиях и драгоценных самоцветах. Вот только в 1777 году шведский король Густав III, прибывший в Санкт-Петербург и намеревавшийся жениться на одной из племянниц императрицы Екатерины, преподнес рубин последней в качестве подарка.

Брачным планам, как и крепости политических уз с Россией, не суждено было сбыться, но рубин Цезаря остался во владении российской императрицы. Пока, спустя три года она не потеряла его на свадебной церемонии в доме

Нарышкиных из-за перетершейся цепочки, усеянной бриллиантами. О пропаже предпочли особо не распространяться, ибо это было чревато крупным дипломатическим скандалом. Провели тихое расследование, но камень так и не нашли.

Пославший Стедингка с особой миссией король Густав IV, узнавший о пропаже от шпионов при дворе, поручил своему посланнику отыскать следы утерянного камня. Спецзадание Стедингка было связано с тем, что отношения между его страной и Россией стремительно ухудшалось. Найти потерянное Екатериной II и вернуть Александру I в знак мирных намерений Швеции – в этом и крылся политический замысел монарха, давшего своему послу особое поручение. Признаться, особо на этом пути барон, изучивший материалы секретного дела, пока не преуспел.

Пропажи хватились быстро, дознание провели со всей тщательностью, хоть и тихо. Кто бы ни нашел ценную пропажу, он не захотел ее вернуть, но и вынести из дома незаметно вряд ли смог бы. Конечно, за прошедшие двадцать пять лет много воды утекло, но рубин Цезаря так нигде и не «всплыл», словно реально канул в Лету.

За несколько лет своего расследования Курт фон Стедингк проследил жизненный путь практически всех гостей, которые побывали тогда на знаменитой свадьбе. Никто из них внезапно не разбогател, не купил или построил имение, не уехал спешно за границу, в общем, не сделал ничего, что позволило бы считать, что он пустил свою бесценную находку в оборот.

Двадцать пять лет – небольшой срок для того, кто умеет ждать. Барыш, который можно было получить, продав рубин Цезаря, такой баснословный, что потерпеть стоило, тем более что потеря выдержки грозила разоблачением, каторгой, а то и смертью. Тот, кто нашел рубин, ждал, пока эта история забудется. Кроме того, вряд ли этот человек имел ежедневную возможность бывать у Нарышкиных, чтобы забрать то, что спрятал. Именно поэтому Стедингк полагал, что камень до сих пор здесь, в доме. Медленно, но тщательно он проверял всех, кто оказывался у него под подозрением, а заодно, по мере возможности, осматривал дом и его укромные места. Пока все было безрезультатно.

Глава вторая

Лена чувствовала себя так, словно ее душа временно отделилась от тела и взмыла под потолок. Телесная оболочка Елены Бесединой находилась сейчас в комнате, где сорока минутами ранее она обнаружила труп Петра Беспалова, и сейчас шли следственные действия. Вторая Елена словно наблюдала за происходящим сверху, беспристрастно оценивая все то, чему она стала свидетелем, включая свое поведение.

Елена наверху была спокойной и безмятежной, взирая на суету полицейских, холодно анализируя их вопросы, обращенные к ней самой и ее партнеру по реставрации, с которым, кажется, они перестали ими быть, даже не начав работать, свои и его ответы, манеру держаться. Елена внизу – бледная, с красными пятнами на шее и щеках, к сожалению, не могла похвастаться такой же выдержкой. Странно, она всегда была уверена, что умеет держать себя в руках, «сохранять лицо», как это называла мама. И вот, на тебе, в экстренной ситуации позволила себе растечься, «поплыть». Фу, как неприлично.

На свою порцию вопросов она уже ответила, подробно рассказав, как оказалась на месте происшествия, обнаружила открытую дверь и выбитое стекло, а потом увидела Петра Беспалова, лежащего в луже собственной крови.

– Вы сразу вызвали полицию? – спросил ее приехавший на место преступления следователь, и она на мгновение замерла, пытаясь сформулировать причину, почему не набрала номер 02.

Лена снова переживала тот момент, когда понимание, что Беспалов окончательно и бесповоротно мертв, обрушилось на нее словно ледяной дождь. Этот дождь хлестал ее наотмашь, и она закрыла лицо руками, чтобы ей не выкололо глаза и не посекло щеки.

Кажется, в тот момент она думала о том, что ни в коем случае нельзя упасть в обморок, потому что она может смазать следы на полу, а потом отошла как можно дальше от тела, к окну, где села на корточки, обхватила себя руками и тряслась как в ознобе минут пять, не меньше, вовсе не думая о том, что делать дальше.

В голове мелькали картинки совместных чаепитий в доме Балуевских после того, как тот был отреставрирован. Старинная хрупкость фарфорового сервиза.

Маленькие, на один укус, безе с кремом, которые мастерски выпекала Галина. Цветочные композиции, сделанные ее руками, – простые и изящные, расставленные повсюду. Звон ложечек, серебряных, тоже старинных, с какой-то монограммой, выгравированной игривой вязью на плоской, удобно ложащейся в руку ручке.

Лицо Галины, ее смеющиеся глаза, волосы, собранные в тяжелый узел на затылке, хитро уложенный, вызывающий ассоциации с дворянской усадьбой и тяжелыми платьями на турнюрах. Галина, словно и правда была дворянкой, носила исключительно платья, без турнюров, конечно, но длинные, изящные, из струящихся, красиво облегающих ее стройную фигуру тканей.

Да, вместо того чтобы звонить в полицию, Лена сидела на корточках у окна и думала про Галину Беспалову, которой предстояло научиться жить без мужа. И как это объяснить вопросительно глядящему на нее человеку, она не знала.

– Я попросил Елену Николаевну не вызывать полицию до того, как я приеду, – услышала она низкий мужской голос с бархатными модуляциями, который был смутно знакомым. Ах, да, точно, это директор фирмы «Турмалин» Макаров, который опоздал на встречу. Это из-за него она осталась один на один со всем этим ужасом.

– Вот как. То есть, обнаружив тело, Елена Николаевна позвонила вам? – повернулся к нему следователь.

– Нет, это я ей позвонил, чтобы предупредить, что опаздываю. Это случилось именно в тот момент, когда Елена Николаевна обнаружила тело, она была очень взволнована, совершенно объяснимо, и я заверил ее, что уже подъезжаю и во всем разберусь.

Ей показалось, или он действительно бросился ей на выручку. Еще чего не хватало! Дмитрий Макаров отчего-то раздражал Лену. Она и сама не понимала, что стало причиной столь острого неприятия: его опоздание на деловую встречу, самоуверенный вид, задевающий какие-то внутренние струны голос или мятая льняная рубаха, которую явно надевали второй день подряд. Неаккуратности она не терпела так же, как и неорганизованности.

– А почему вы опоздали? – тут же вцепился в Макарова следователь. – Вы знали, что тут произошло, и хотели, чтобы именно Елена Николаевна обнаружила тело?

Лена-первая с некоторым злорадством выслушала вопрос, адресованный Макарову, как будто радуясь, что его поймали с поличным. Лена-вторая с профессиональным интересом наблюдала за эмоциями на его лице, чтобы не пропустить ни единой мелочи, когда он станет выкручиваться. К его чести, эмоций на челе не было. Ни малейшей.

– Я опоздал, потому что застрял в лифте, – сообщил он. – Могу сообщить адрес, мой вызов механика наверняка зафиксирован, и вы легко убедитесь, что я говорю правду.

– Вот как, хорошо, проверим, – следователь изрядно поскучнел.

– А заодно проверьте, что я всю ночь находился именно по этому адресу и никуда не выходил, так что к случившемуся здесь никакого отношения иметь не мог. Уж извините, что рушу такую прекрасную стройную версию.

Голос Макарова звучал чуть иронически, и Лену это тоже раздражало. У нее, в отличие от него, не было никакого алиби, которое мог бы кто-то подтвердить. Митька спал, – не Помпона же спрашивать.

Следователь еще раз заглянул в паспорт собеседника.

– Макаров Дмитрий Михайлович, – задумчиво сказал он. – Макарову Евгению Михайловичу, простите, кем являетесь?

– Братом. Старшим, – голос нового знакомого звучал так ласково и сладко, словно мед вокруг разлили.

– Ах, вот как. – Следователь совсем уж поскучнел, вернул документы и снова повернулся к Лене, которая нужными запасами меда не обладала. – Ну что ж, гражданочка. Если Дмитрий Михайлович появился здесь, когда все уже произошло, то у меня только к вам будут дополнительные вопросы. Начнем с того, когда, где и при каких обстоятельствах вы познакомились с гражданином Беспаловым? Дмитрий Михайлович, вы можете идти, я вас больше не

задерживаю.

– Да нет уж, я сам задержусь, – сообщил ее несостоявшийся партнер, – не могу бросить даму одну в нестандартной ситуации. Воспитание не позволяет.

Лене хотелось сказать что-нибудь резкое, потому что она не была размазней и слабачкой, а кроме того, не привыкла, чтобы за нее кто-то вступался. Но его неожиданное заявление отчего-то было приятно, а еще очень кстати, потому что осознание случившегося кошмара наваливалось на нее, заставляя кожу покрываться липкой холодной пленкой, и спертый воздух старого дома, в котором, как ей казалось, уже начинал витать запас тлена, забивал легкие, вызывая все более сильную тошноту. С поддержкой, пусть и неприятного незнакомого человека, было чуть легче, чем совсем одной.

– Спасибо, – тихо сказала Лена.

Внимание следователя в этот момент отвлек судмедэксперт, все еще возившийся с телом.

– Илья Сергеевич, посмотрите, у мертвеца в руке бумага зажата была, вот, достали.

Следователь повернулся к подошедшему человеку, и Лена тоже подошла поближе, привстав на цыпочки. Врожденное любопытство заставило ее сделать эти машинальные действия, которые, как она видела, вызвали легкую улыбку у господина Макарова. Ну и пусть себе смеется, а она посмотрит, что мог держать в руке Беспалов. Почему-то Лена была уверена, что листок имел отношение к случившемуся.

Это действительно был клочок бумаги, использующейся в большинстве российских офисов. Обрывок представлял собой квадрат, размером примерно шесть на шесть сантиметров, и на нем, – Лена глазам своим не поверила, – был напечатан на принтере рисунок круга с включенными в него завитками, стилизованными под греческие буквы ????. Она даже попятилась от неожиданности, потому что никогда не слышала, чтобы интересы Петра Беспалова были связаны с Византийской империей.

Впрочем, относительно недавно Лена совершенно точно видела такой же знак, и связано это было именно с Беспаловым, точнее, с реставрируемым им домом. Она дала себе зарок проверить всплывшее в голове воспоминание сразу, как только очутится дома. Вот только день, недавно так печально начавшийся, обещал кончиться еще очень нескоро.

– Господи, боже мой, и что это за абракадабра? – пробормотал следователь, которого, оказывается, звали Илья Сергеевич. Войдя в комнату, он представился, но Лена тогда под влиянием эмоций не запомнила.

– Это монограмма династии Палеологов, – услышала она и чуть не упала от изумления. Оказывается, владелец фирмы «Турмалин» был весьма начитан и образован. – Точнее, их родовой знак. Она присутствует на эмблеме и гербе династии и состоит из согласных букв ее названия.

– Вы издеваетесь? – с подозрением спросил Илья Сергеевич.

– Нет, отвечаю на ваш вопрос.

– И что эта бумажка значит? Какое отношение эти ваши Палеологи имеют к потерпевшему?

– Понятия не имею, – Макаров пожал плечами, под мятой рубахой перекатились бугры мышц, и Лена непроизвольно сглотнула, хотя впечатлительной девицей, глазеющей на мужчин, не была. – Я не так хорошо, как Елена Николаевна, знал господина Беспалова. Слышал о нем, разумеется, он в нашем городе человек, как вы сами понимаете, известный, но встретился впервые с месяц назад, когда мы договаривались, что я возьму подряд на реставрацию этого объекта.

– Да уж, известный, – следователь вздохнул и даже зубами скрипнул, – меценат, благотворитель, в высших кругах вращался, то с мэром встретится, то с губернатором. Как представлю, под каким мы сейчас давлением работать будем, хоть плачь. А еще же это, внимание общественности, – последнее слово он произнес с особым отвращением. – Ладно, Елена Николаевна, тогда хоть вы мне скажите, имеет эта бумага смысл или нет.

В том, что смысл есть, Лена не сомневалась, вот только говорить об этом правоохранительным органам пока было преждевременно, сначала самой нужно

кое-что уточнить. Поэтому, сделав независимое лицо, она отрицательно покачала головой.

– Я не знаю, Илья Сергеевич. Мы никогда не говорили с Петром Алексеевичем о Византийской империи.

– О чем?

– Династия Палеологов правила Византийской империей, – пояснила Лена. – Но я понятия не имею, как это может относиться к реставрации этого дома. И относится ли вообще. Думаю, что на эту тему вам лучше поговорить с Галиной.

– Галина – это…

– Галина Леонидовна Беспалова, жена Петра Алексеевича. Они были очень близки, по духу, сейчас, знаете ли, это редкость. И начинания мужа она всегда полностью поддерживала, хотя обходились они недешево. Так что, если у Петра Алексеевича и были какие-то еще интересы, связанные, например, с Византией, то она точно в курсе.

– Простите, мой вопрос, вполне возможно, покажется вам нескромным, – пожевав губами, сообщил Илья Сергеевич, и Лена вздохнула, прекрасно поняв, что именно сейчас услышит. – А какие отношения связывали с Петром Беспаловым вас? Мог он, к примеру, приехать в этот дом ночью, потому что у вас тут была назначена встреча или, – на этих словах он поднял указательный палец, – кто-то другой мог назначить ему встречу от вашего имени, зная, что Беспалов на нее обязательно придет.

Любопытно, что ее ответа с некоторым интересом на лице ждал не только следователь, но и Дмитрий Макаров. Господи, как все-таки мужчины примитивно устроены! Один грех на уме, а еще притворяются, что терпеть не могут сплетни.

– У меня с господином Беспаловым были сугубо деловые отношения, – ровным скучным голосом сообщила Лена. – Он считал меня хорошим архитектором и был доволен результатами нашей совместной работы над первым домом, который он взялся реставрировать. Я же относилась к нему с уважением и ценила возможность бывать в их с Галиной доме. Она, к слову, меня тоже всегда встречала с искренним расположением. Что касается второй части вашего

вопроса, то я Петру Алексеевичу встречу в этом доме не назначала, и от моего лица его тоже вряд ли могли сюда пригласить. Думаю, если бы это произошло, то он, первым делом, перезвонил бы мне.

– Почему?

– Он был прекрасно осведомлен, что секретаря у меня нет, и все деловые звонки я всегда делаю сама. Я, правда, не знаю, зачем Петру Алексеевичу понадобилось приезжать сюда ночью, да еще в таком странном виде.

– Что вы имеете в виду?

Пришлось объяснять про строгие костюмы, белоснежные рубашки и шейные платки, ставшие частью образа бизнесмена Беспалова, и не вязавшиеся с привычным имиджем темные джинсы, кроссовки и худи с капюшоном.

– Я из-за этого даже не сразу его узнала, – вздохнула Лена. – За два с лишним года знакомства я ни разу не видела его в спортивной одежде. Он даже дома носил слаксы и рубашку.

– Что ж, запомним как еще одну странность, – согласился следователь.

– Если у вас больше нет вопросов к Елене Николаевне, то вы бы отпустили ее. Сами понимаете, найти труп человека, да еще хорошо знакомого, это испытание, а тут ведь даже сесть негде. Елена Николаевна уже больше часа на ногах, – сказал Макаров.

Лена посмотрела на него с возмущением: что это он тут распоряжается? Впрочем, ноги действительно противно дрожали, руки тоже, и зубы постукивали от сотрясавшей Лену нервной дрожи.

– Да, – спохватился Илья Сергеевич, – конечно, сейчас вы можете идти. Мы попросим вас чуть позже подъехать в следственное управление, чтобы подписать ваши показания официально, а пока я вас больше не задерживаю. Из города, пожалуйста, не уезжайте.

Лена кивнула.

– Скажите, – тихо спросила она, – а Галине уже позвонили? Сказали, что с ее мужем беда?

– К ней поехал один из оперативников. Думаю, такие вещи лучше не сообщать по телефону, да и ее визит сюда был бы не очень кстати. А что, вы хотите ее навестить?

– Да, хочу, – через силу сказала Лена. – Я не позвонила ей сразу, потому что не хотела быть тем человеком, который принесет дурную весть. Но Галина сделала мне много добра, они с мужем замечательно ко мне относились, поэтому я, разумеется, считаю своим долгом поехать к ней, чтобы рассказать о том, чему стала невольным свидетелем. И поддержать тоже. Нельзя оставлять ее одну в такой ситуации. Это бесчеловечно.

– Скажите, Елена Николаевна, а дети у Беспаловых есть? Клянусь, это последний мой вопрос. На сегодня.

– У Галины Леонидовны есть сын от первого брака, – сухо сообщила Лена, потому что терпеть не могла посвящать посторонних в детали чьей-то семейной жизни. – Они с Петром Алексеевичем поженились не так давно, лет двенадцать назад. Когда они встретились, он был женат, а Галина в разводе. Ее сыну тогда исполнилось лет пятнадцать. А сейчас он, разумеется, уже совсем взрослый, самостоятельный и живет отдельно. По-моему, даже не в России.

– Спасибо, вы можете идти.

Лена вышла на улицу, с удовольствием, близким к экстазу, подставив лицо летнему ветру. Только сейчас она поняла, каким на самом деле был спертым воздух в старом доме. Силы внезапно покинули ее, и она с трудом удержалась от того, чтобы не сесть прямо на траву. Дмитрий Макаров подхватил ее, не дав упасть.

– Вам что, плохо? – с подозрением спросил он.

– Мне нормально, – проскрежетала Лена. – Уверяю вас, что справлюсь.

– Поехали, – сказал он, держа ее под локоть. Пальцы у него были железные.

– Куда?

Он смотрел на нее чуть ли не со злобой.

– Елена Николаевна, возможно, из-за своего опоздания и мятой рубашки я выгляжу в ваших глазах не очень презентабельно, но я не позволю вам сесть за руль в таком состоянии. Вы, кажется, собирались домой к Беспаловым? Значит, я вас отвезу.

– Да я сама прекрасно доеду, – запротестовала Лена. – Кроме того, что я в состоянии это сделать, я еще не хочу оставлять здесь свою машину. Как я ее потом заберу?

Он снова вздохнул, словно Елена Николаевна Беседина страшно его раздражала.

– Я отправлю кого-нибудь за вашей машиной, – сообщил он нелюбезно, – и ее пригонят к дому Беспаловых. Или к вашему дому. Или к офису. Или к черту на кулички! Елена Николаевна, вам не кажется, что не о машине сейчас нужно думать?

– А о чем? Об уплывающем из рук заказе? – с иронией спросила Лена. – Вам не терпится спросить у вдовы, откажется ли она теперь от планов по реставрации? Поздравляю, у вас прекрасная деловая хватка.

– Если вы ждете, что я обижусь, то напрасно, – беспристрастно сообщил Макаров. – Замечу только, что вы тоже думаете о том, останется ли в ваших ручках драгоценный дом или новая сладкая задача уплывет, так и не успев реализоваться. Нет, вам, разумеется, жалко Беспалова и жене его вы сочувствуете, но про дом думаете, это я знаю точно.

От того, что он был прав, во всем прав, Лена почувствовала ярость, граничащую с отчаянием. Давно она не встречала человека, который бы так сильно задевал ее за живое, выводил из себя, практически бесил.

Она вырвала руку и сделала несколько шагов к воротам, чувствуя противную слабость во всем теле и металлический привкус во рту. Если она упадет в обморок за рулем, Митька может остаться совсем один, а этого нельзя

допустить. Никак нельзя.

– Что вы стоите? – довольно грубо спросила она у Макарова. – Поехали!

* * *

Надо признать, что эта пигалица держалась хорошо. Дмитрий даже восхитился. Вся зеленая, руки дрожат, ноги подкашиваются, но лицо держит и в истерику не ударяется, еще и огрызается время от времени. Вот что значит сила духа плюс характер! С другой стороны, ее поведение могло объясняться тем, что найденный в доме труп вовсе не был той неожиданностью, о которой она заявляла, и бледность объяснялась не ужасом ситуации, а просто женской чувствительностью, неминуемой при виде мертвеца.

Имела отношение Елена Беседина к случившемуся убийству или нет? На этот вопрос нужно было ответить в первую очередь, потому что от ответа зависело, как вести себя в будущем. Меньше всего на свете Дмитрий хотел, чтобы кто-то втянул его в неприятности. Репутацию фирмы и свою собственную он выстраивал долгие годы тщательно и осторожно. Сейчас, когда на кону стоял крупный федеральный заказ, судьба которого решалась сейчас в столице, быть причастным к криминальным разборкам он не мог.

Что и говорить, не вовремя убили Петра Беспалова. Совсем не вовремя! На этом месте своих размышлений Дмитрий улыбнулся и даже головой покачал. Можно подумать, смерть когда-нибудь бывает вовремя!

В его предложении подвести Беседину к Галине Беспаловой крылось не человеколюбие, а банальный расчет. У него самого не было никакого повода нанести вдовице визит вежливости – они даже не знакомы, но посмотреть своими глазами на происходящее, чтобы составить собственное суждение, было нелишним. Любые выводы Дмитрий Макаров предпочитал делать на основе увиденного и услышанного лично.

Он достаточно прожил на свете, чтобы не удивляться человеческой подлости, которая была изменчива и многолика. Любящая жена Галина Беспалова вполне могла убить своего мужа, чтобы, скажем, завладеть его состоянием или отомстить за интрижку. Верная соратница Елена Беседина вполне могла

выступать в качестве объекта этой самой интрижки, а заодно и мстить своему любовнику за… А, кстати, за что? Ну, например, за то, что он решил ее бросить.

Приемный сын мог совершить преступление ради наследства, переходящего к его маменьке, и тот факт, что он жил где-то за границей, ничего в этом не менял. В конце концов, менее удачливые бизнесмены могли поквитаться с Беспаловым за какую-то сорванную или, наоборот, состоявшуюся сделку, и все эти причины не имели к Дмитрию Макарову и его будущему никакого отношения.

Для того чтобы идти дальше, ему просто нужно было убедиться в том, что сам он не оказался замешенным ни в какой хитроумной комбинации, а потому не огребет из-за этой истории нежелательных последствий. На то, чтобы разобраться и сделать выводы, он отвел себе три дня, и первым практическим шагом станет именно визит в беспаловский особняк.

Галина открыла им дверь, не сказав ни слова, повернулась и пошла по узкому длинному коридору куда-то вглубь дома. Дмитрий затоптался на крыльце, не зная, можно ли расценивать это как приглашение заходить. Его спутницу, похоже, ничего не смущало: она переступила через порог и обернулась к нему, мол, чего ты, и тоже пошла по коридору вслед за хозяйкой, видимо, хорошо ориентируясь в этом доме.

Оставаться на крыльце было глупо, поэтому, негромко чертыхнувшись себе под нос, Дмитрий зашел в дом, запер дверь, обнаружив какую-то щеколду, и, не раздумывая, снимать ботинки или нет, зашагал следом, надеясь, что не заблудится. Старые деревянные дома он не любил.

В этом узком коридоре с низким потолком он чувствовал себя Гулливером в стране лилипутов, в очередной раз подивившись беспаловской фантазии жить в таком неподходящем месте. У него самого тоже имелся дом, большой, просторный, в котором было много света и воздуха, и только в такой обстановке Макарову легко дышалось, спалось и работалось.

У него и офис был суперсовременным, из металла и стекла. Но Беспаловы жили и работали именно в особняке XIX века. Классно отреставрированном, надо признать. Идя по коридору, Дмитрий не забывал вертеть головой и замечать

приметы несомненного гения Елены Бесединой. Старой планировки, низких потолков и узких пространств гений, конечно, не отменял, как и необходимости использовать аутентичные материалы без применения гипсокартона, пластика и, упаси господь, ламината. И, тем не менее, старый дом выглядел свежо, комфортно и на удивление не старомодно. Что ж, пять баллов, Елена Николаевна, еще одно очко вы точно заработали.

Конечно, сейчас Дмитрий немного лукавил. Проект реставрации дома Яковлева, полученный от Елены накануне, который они и должны были обсудить, встретившись сегодня утром на объекте, он изучил достаточно внимательно, чтобы с ходу убедиться в профессионализме этой женщины-архитектора. Но увиденные «живьем» результаты ее предыдущей работы все равно произвели на него впечатление. Так, а где женщины-то?

Галину и Елену он нашел во второй гостиной, которые, естественно, шли друг за другом анфиладой. Хозяйка дома, маленькая, хрупкая, уже одетая в черную рубашку из жатого хлопка и свободные черные брюки, сидела, забравшись с ногами в угол стилизованного под старину, но явно удобного дивана и, не отрываясь, смотрела в одну точку. Елена уселась рядом с диваном, прямо на пол, взяв в ладони руки своей старшей подруги, то ли согревая их, заледеневшие от горя, то ли просто выражая поддержку.

– Здравствуйте, – сказал Дмитрий, тут же почувствовав, насколько глупо выглядит. Еще бы «добрый день» выдал, идиот!

Женщины, помоложе и постарше, подняли на него глаза в некотором изумлении, словно не понимая, что этот человек тут делает.

– Галина, это Дмитрий Макаров, – прервала молчание Елена, – руководитель фирмы «Турмалин», которая должна была выполнять все работы. Это с ним у меня была назначена встреча, когда…

Она замолчала, видимо, не в силах продолжать.

– Здравствуйте, Дмитрий Михайлович, – отмерла женщина на диване. Надо же, она, оказывается, даже его отчество знает. – Муж мне про вас рассказывал. Он очень радовался, что вы согласились взяться за объект. Наш первый подрядчик оказался занят, и Петя переживал, потому что хороших рабочих сейчас днем с

огнем не сыскать.

– Примите мои соболезнования, – нет, сегодня Дмитрий бил все рекорды банальности, но он, и, правда, не знал, что еще сказать. – Галина Леонидовна, если вам нужна какая-то помощь, то обращайтесь.

– Спасибо, – искренне сказала женщина. – Я, правда, и сама пока не знаю, что именно мне нужно. Как вы считаете, полиция разрешит начать работы в доме, или их пока придется заморозить?

Дмитрий смотрел во все глаза, пытаясь понять, правильно ли понял услышанное.

– Галина Леонидовна, вы не будете останавливать реставрацию? – аккуратно уточнил он. – Вы намерены реализовать проект, несмотря на то что случилось с Петром Алексеевичем?

– Разумеется, – кажется, она удивилась, что он об этом спросил. – Реставрация дома Яковлева была большой Петиной мечтой, и конечно, я сделаю все, чтобы довести задуманное им до конца. Контракт с «Турмалином» заключен, предоплату вы получили, и, к счастью, ждать полгода, чтобы вступить в права наследования не придется. Наша фирма, которая взяла дом в аренду, оформлена на меня. Петя действовал по генеральной доверенности, так что я полностью вправе принимать любые решения касательно будущего дома. Если вы не против, то я бы хотела, чтобы вы начали работу незамедлительно.

– Я – не против, – заверил ее Дмитрий.

В глазах Елены Бесединой он прочитал облегчение вперемешку с восхищением силой духа этой женщины в черном. Кажется, он целиком и полностью разделял эти эмоции. Что ж, о будущем выгодного и интересного проекта можно не беспокоиться.

– Спасибо за доверие, Галина Леонидовна, – сказал Дмитрий сердечно, – конечно, я вас не подведу. Работу начнем сразу, как это станет возможным. Скажите, а вы понимаете, за что могли убить Петра Алексеевича?

Ему показалось, или в ее глазах мелькнуло что-то непонятное, словно отражение пролетевшей птицы махнуло крылом и исчезло?

– Петя был настолько хорошим человеком, что ему никто не мог желать зла, – помолчав, сказала она. – У него даже врагов не было, хотя в бизнесе это невозможно. Я до сих пор не верю, что его могли убить. Экспертизы же еще не было, я надеюсь, что ему просто стало плохо, он упал и ударился головой. Мне было бы легче так думать, а не знать, что кто-то лишил его жизни намеренно. А вы почему интересуетесь, Дмитрий Михайлович?

Переход был внезапным, и Дмитрий понял, что его чуть не поймали врасплох.

– Любое уголовное расследование привлекает внимание, – уклончиво ответил он. – Признаться, я вовсе не стремлюсь к повышенному интересу к моей скромной персоне, и работать в атмосфере сплетен и криминальных новостей не хотелось бы. Конечно, я принимаю это как неизбежность, но быстрое расследование и однозначные результаты нам всем были бы только на руку.

– Даже дому, – горько подтвердила Елена Беседина. – Чем быстрее перестанут трепать имя Петра Алексеевича, тем лучше.

Вообще-то Дмитрию больше всего на свете не хотелось, чтобы трепали ЕГО имя. Сейчас, когда он находился на пороге подписания оч-чень крупного контракта, это было так не вовремя, что аж зубы скрипели. Беспалову и его жене он сочувствовал, но не более. Именно из-за них он сейчас мог оказаться втянут в серьезные неприятности. Их приближение Дмитрий чувствовал, как говорится, спинным мозгом, хотя в одном был уверен твердо – случившееся в старинном особняке не имело к нему никакого отношения. Впрочем, взбреди ему в голову фантазия озвучить свои мысли двум прекрасным дамам, сидевшим напротив, они бы его не поняли и осудили. Сочли эгоистом.

– А, правда, Галина, может быть, в последнее время у Петра Алексеевича были какие-то проблемы? – спросила Елена, и ему захотелось ее расцеловать, потому что она размывала фокус его интереса к тому же самому. – Я не знаю, может быть, кто-то не хотел, чтобы аренда дома досталась вам, или конкуренты в бизнесе активизировались?

– Да бог с тобой, деточка, – Галина слабо махнула рукой. – Кому, кроме Пети, были нужны эти старые развалюхи, которые требовали кропотливой, сложной работы с бесконечными согласованиями, да еще и настолько финансово затратной? Это же не бизнес-проект, а благотворительность. Петя – настоящий меценат. Был. И по этой дороге он шел один. За спиной желающих не было.

Она вдруг беззвучно заплакала, словно осознание, что мужа больше нет, обрушилось на нее, придавило всей своей тяжестью. Дмитрия удивило, как красиво она плачет: без исказившей лицо гримасы, всхлипываний, открытого рта. Просто круглые, очень крупные слезы вытекали из глаз и прокладывали дорожку к подбородку, капая оттуда на черную рубашку. Обычно он не терпел женских слез, потому что большинство женщин рыдали некрасиво, с надрывом, который портил даже самые привлекательные лица. Но Галина Беспалова плакала с достоинством, присущим аристократке. Под стать особняку.

– Полиция разберется, – сказал Дмитрий, потому что молчать было совсем невыносимо. – Я точно это знаю, мой брат – полицейский. Они обязательно разберутся, Галина Леонидовна, просто им надо помочь – рассказать все, что знаете. Даже те мелочи, которые вам кажутся совершенно неважными.

– Да, конечно, я понимаю, – Беспалова вытерла мокрые щеки тыльными сторонами ладоней и встала с дивана. – Давайте, я вас хотя бы чаем напою.

– Да что вы, Галина, какой чай? – всполошилась Елена, вскакивая на ноги.

– А почему нет? Жизнь, конечно, кончилась, но не остановилась. Леночка, девочка, мне просто необходимо чем-то себя занять, чтобы не сойти с ума. Так почему бы и не приготовлением чая?

– Хорошо, тогда я вам помогу, – решительно сказала Елена.

– Пойдем на кухню. Дмитрий Михайлович, мы вас оставим ненадолго. Если хотите, то вот тут, на этажерке есть книги по русской архитектуре XIX века. Вдруг вам интересно.

Признаваться, что неинтересно, было совсем нельзя.

– А по Византии у вас, случайно, литературы нет? – спросил Дмитрий бодро и получил полный одобрения взгляд Елены. – Я, знаете ли, сейчас интересуюсь этим периодом мировой истории. С удовольствием бы воспользовался вашей библиотекой.

– Византии? – Галина Беспалова выглядела изумленной. – Кажется, нет. У Пети, конечно, очень большая библиотека, возможно, что-нибудь и найдется, но навскидку и не скажу.

– Ладно, неважно, – Дмитрий отыграл назад, чтобы не вызывать лишних подозрений.

Интересно, Беспалова действительно не знает о найденной в кулаке ее мужа бумажке с монограммой династии Палеологов, не в курсе, что знак имеет отношение к Византии, не связывает с этим внезапный интерес гостя или просто притворяется?

Минут через десять они уже сидели, расположившись за небольшим круглым антикварным столиком, покрытым кружевной скатертью, и пили ароматный чай из изящных чашек тончайшего костяного фарфора. Разумеется, без сахара и без лимона.

Дмитрий, любивший, чтобы чай был сладким и непременно с лимоном, о своих плебейских пристрастиях предпочел умолчать. В этих дворянских покоях он как-то особенно остро чувствовал свою неуместность, мятость и несвежесть рубахи из-за «случайного этажа», явную недостаточность комильфо и несоответствие окружающей действительности. До этого момента Дмитрий Макаров был уверен, что всегда и всему соответствует.

У него в кармане зазвонил телефон, и резкий звук вывел его из этого странного состояния. Извинившись, Дмитрий встал из-за стола и отошел к нише окна. Уж кое-какие манеры у него все-таки имелись. «Коко» – было написано на экране, и он поморщился словно от зубной боли.

Коко звали владелицу квартиры на случайном этаже, которая сладко спала, когда утром он ее покинул, собираясь на деловую встречу. Он глянул на часы: без десяти полдень, – ну да, она, как правило, в это время и просыпается.

– Слушаю, – сказал он обреченно, потому что Коко с ее привычкой ворковать, манерно растягивая гласные, не соответствовала окружающему интерьеру еще больше, чем он сам. – Я занят, поэтому говори быстро.

– Бы-ыстро? – удивился голос в трубке. – Я не хочу бы-ыстро, а хочу ме-едленно-о-о-о, как ты умеешь. Я просну-улась, а тебя нет. Ты когда вернешься? Я соску-училась.

– Ясно. Ничего важного, я так и думал. Ты займи себя чем-нибудь более-менее осмысленным, потому что мне сейчас некогда. Ладно?

– Я бы к косметологу сходила-а-а, – покладисто сообщила трубка. – Только у меня денежки кончили-ись.

– Переведу, – пообещал он, мысленно кляня себя, что в очередной раз мастерски влип в патоку, от которой у него еще прошлая оскомина не прошла.

Женщины за столом смотрели на него как-то странно, но, хвала небесам, молчали. Уже в который раз за сегодняшнее утро Дмитрий почувствовал себя идиотом. А ведь еще целый день впереди.

– Дамы, я вынужден откланяться, – сказал он, внутренне усмехнувшись от того, что вдруг заговорил высоким штилем. – Елена Николаевна, ваша машина стоит перед домом. Ключи от нее у моего сотрудника, который подождет, пока вы тут закончите. Если у вас будут сомнения, что вы сможете без приключений добраться до дома, то он вас отвезет.

– Спасибо, право слово, не стоило беспокоиться, – пробормотала она то же в духе романов XIX века. – Я сейчас выйду и заберу ключи. Разумеется, я доеду сама, вы и так очень меня выручили.

– Как будет угодно, – уговаривать ее Дмитрию не хотелось, он вообще не понимал, зачем уговаривать взрослых людей, если им вдруг приспичило совершать глупости.

Беседина уже не выглядела такой бледной, как на месте преступления, так что за ее жизнь и здоровье можно было не волноваться. Сама разберется, он ей не

нянька.

– До свидания, Галина Леонидовна, если будет нужна помощь, то вы все-таки обращайтесь.

– Благодарю, Дмитрий Михайлович, – Беспалова вышла его проводить, и уже перед тем, как шагнуть на крыльцо, он вдруг, неведомо с чего, поцеловал ей руку – тонкие пальцы с тяжелыми кольцами.

Аристократка, черт бы ее побрал! Голубая кровь, белая кость. Что-то с ней было не так, но Дмитрий никак не мог уловить, что именно. Она слабо улыбнулась на этот порыв и закрыла дверь, словно отрезала от него внутренний мир старинного дома.

* * *

1780 год

Этот год, пожалуй, был самым счастливым в жизни двадцатидвухлетнего Карла Ивановича фон Гессена. Отличившись на службе, он получил трехмесячный отпуск и впервые в жизни приехал в Санкт-Петербург.

В тринадцать лет уроженец эстонского местечка поступил в Лейб-гвардии Измайловский полк рядовым. В 1775 году его перевели в Нашебургский мушкетерский полк, откуда, спустя пять лет, он и приехал в столицу, в заслуженный и захватывающий отпуск. Культурная жизнь Петербурга захватила молодого военного полностью, а завязавшиеся связи и надежный покровитель при дворе, знавший маленького Карла с детства и дружившим с его родителями, ввел его в дом Нарышкиных, славившийся своими безудержными вечерами.

Впрочем, уже в юные годы Карл Иванович был человеком несветским – суровым военным не только по профессии, но и по призванию, поэтому шума балов не любил, предпочитая проводить время за интересной беседой. Так в один из своих визитов, прячась от шума в одной из гостиных, он познакомился с немолодым уже человеком, архитектором, имевшим отношение к возведению этого особняка четверть века назад. Тот погрузил молодого офицера в довольно любопытную историю строительства дома Нарышкиных и даже показал

секретный укромный угол, сооруженный, скорее, ради шутки.

На слово Карл Иванович не поверил, а потому пришлось ему воочию убедиться, что одна из плиток изразцовой печи при нажатии слегка выходила из пазов, открывая маленький и неглубокий, но все-таки тайник, в который можно было спрятать, например, любовную записку. По словам собеседника, первый владелец дома, князь Михаил Михайлович Голицын, использовал тайник именно для этого, но довольно быстро проиграл особняк в карты. Знали ли о тайнике другие владельцы, собеседнику Карла Ивановича было неизвестно, да и сам фон Гессен о забавной безделушке быстро забыл.

Во время короткого, случайного и ни к чему не обязывающего разговора он даже думать не мог, что совсем скоро, всего лишь через пару недель, воспользуется печным схроном, да еще при очень пикантных обстоятельствах. Так уж получилось, что, благодаря своему высокому покровителю, он оказался в числе гостей, приглашенных на свадьбу дочери владельца дома Льва Нарышкина, на которой присутствовала императрица Екатерина.

Царственную особу, да еще в столь непосредственной близости от себя, юный Карл фон Гессен видел, разумеется, впервые. По замыслу покровителя, он должен был каким-то образом попасться ее величеству на глаза, чтобы иметь честь быть представленным, после чего о судьбе и карьере можно не беспокоиться. Ему было велено держаться поблизости, и он сдержал данное обещание, даже если для этого нужно было перемещаться из залы в залу.

Впрочем, императрица вскоре засобиралась уходить, и Карл Иванович, руководствуясь знаком, поданным ему благодетелем, заспешил вослед, смешиваясь с шумной толпой придворных. В какой-то момент он замешкался и чуть не упал, наступив на что-то небольшое, но довольно острое. Наклонившись, Карл Иванович поднял с пола непонятный предмет, похожий на большой кулон, почему-то теплый, видимо, от того, что до этого он соприкасался с чьей-то кожей.

Повинуясь какому-то внутреннему чутью, Карл зажал кулон в кулаке, чувствуя, как золотые усики, обвивающие верхнюю часть ярко-красной грозди, впиваются в ладонь, замедлил шаг, выскользнул из толпы и исчез в одном из соседних покоев. Только там, встав у окна, где на стене горела свеча, установленная в большой витой канделябр, он смог разглядеть свою находку более внимательно и вздрогнул.

Кулон в виде алой виноградной грозди, украшенный золотом и эмалью, совсем недавно покоился на груди императрицы Екатерины. Не заметить его было невозможно. Это было царское украшение, видимо, соскользнувшее с шеи из-за перетертой от его веса цепочки, и сейчас императрица покидала дом Нарышкиных, лишившись бесценной вещицы.

Карла Ивановича прошиб пот. Первым порывом было побежать вслед царственной особы, чтобы отдать найденный кулон, завоевав, тем самым, ее благосклонность. Однако почему-то фон Гессен не мог двинуться с места. Через окно он видел, как императрица уже садится в карету. Чувства необычайно обострились и он уловил незаметную глазу заминку, которую тут же расшифровал и оценил совершенно верно. Царица обнаружила потерю кулона и теперь давала указание сопровождавшим ее лицам вернуться и отыскать его.

Отпрянув от окна, чтобы не быть замеченным с улицы, Карл Иванович снова разжал пальцы и посмотрел на лежащий на ладони драгоценный камень. Даже в неровном свете свечей он переливался всеми гранями, таинственно мерцая отзвуком какой-то одному ему известной тайны. На лестнице, ведущей на второй этаж, послышались шаги. Не думая, а, скорее, действуя на одних инстинктах, Карл Иванович повертел головой, чтобы понять, где находится.

Позже он и сам не мог сказать, что бы сделал, если бы оказался в каких-то других покоях. Скорее всего, шагнул навстречу топающему по лестнице караулу, чтобы отдать свою драгоценную находку. Однако глаз зацепился за резной изразец печи. Карл фон Гессен находился именно в той гостиной, где был искусно замаскирован маленький тайник. Не отдавая себе отчета, Карл Иванович сделал пару шагов, нажал на выпуклые линии рисунка, именно так, как показывал его недавний собеседник, ловко засунул камень в открывшееся пространство и одним движением пальцев поставил плитку на место.

Аккуратный опрос гостей, а также досмотр личных вещей собравшихся продолжались три часа. Карл фон Гессен покинул особняк Нарышкиных в числе первых. Никаких вопросов к нему ни у кого не возникло. Спустя два дня он уехал обратно в свой полк, не имея ни возможности, ни желания вернуться за спрятанным камнем и ужасаясь тому, что сотворил. Признаться теперь было уже невозможно, это он понимал отчетливо. Санкт-Петербург он покидал с тяжелым сердцем.

Карл Иванович фон Гессен с честью и смелостью в 1783–1785 годах участвовал в боях с конфедератами в Польше. В бою под Бялойон был ранен в левый бок и ногу, из-за чего, спустя год, был вынужден выйти в отставку в чине премьер-майора. Еще через два года он снова вернулся в строй, потому что только на войне терзавшая его душевная боль немного отпускала. Будучи зачислен в Нарвский мушкетерский полк, в 1788–1790 годах Карл Иванович участвовал в шведской войне, а в 1792 и 1794-м годах сражался с поляками.

Как и все военные того времени, женился он довольно поздно и на женщине много младше себя. Детей у них, к его огромному сожалению, не было, поэтому Карл Иванович воевал, особо не сдерживая себя, забыв о благоразумии и осторожности. Слабость, заставившая его много лет назад пойти на безумный поступок, по-прежнему угнетала его, особенно усиливаясь в редкие минуты отдыха.

Несмотря на все свои заслуги, полковник, позднее генерал-майор фон Гессен, за проявленную храбрость в боях награжденный орденом Св. Георгия 4-й степени, в глубине души продолжал себя считать человеком бесчестным.

В 1797 году он был назначен шефом Черниговского мушкетерского полка, участвовал в Голландской экспедиции, где за проявленное мужество и героизм получил звание генерал-лейтенанта. Дважды его назначали губернатором, и каждый раз он хотел и не мог отказаться. Без объяснений его отказ воспринимался бы как вызов, а объясниться было совершенно невозможно.

С каждым годом совершенная давным-давно ошибка жгла память и душу все сильнее. К счастью, его навыки и военное умение снова пригодились в армии. В 1806 году Карлу Ивановичу вверили командование корпусом, который в начале турецкой войны осадил крепость Хостин. Фон Гессен участвовал в войне с Наполеоном, под Фрилландом был тяжело контужен в грудь и после ранения очень долго лечился. После выздоровления он был назначен на должность военного губернатора Риги, откуда и ушел в отставку по состоянию здоровья в 1818 году.

Причиной его все усиливающегося недомогания была глубокая депрессия, называемая тогда расстройством нервов. Карл Иванович неделями не спал, доведя себя до совершенно изможденного состояния. Спать он не мог, потому что во сне перед глазами тут же вставала комната, расположенная в ней изразцовая печь с античными барельефами, и верхняя плитка, открывающаяся с

чуть слышным щелчком.

Тридцать восемь лет прошло с того дня, как Карл Иванович оставил в тайнике царский рубин. Кажется, его долго искали. При дворе даже ходили слухи, что за пропавшим рубином охотится шведский посол Курт фон Стедингк. Однако, в обсуждение столь болезненной для него темы Карл Иванович никогда ни с кем не вступал. Ни разу за все эти годы у него не возникло даже тени соблазна проверить, на месте ли камень.

Карл Иванович был совершенно уверен, что, попади он в дом Нарышкиных, тут же упал бы замертво. Терзающие муки совести, наложенные на измучившую его бессонницу, подсказывали только один выход. В ночь на шестое июля 1818 года Карл Иванович до утра сидел в своем кабинете и что-то писал. Закончив длинное письмо, он спрятал его в ящик стола, вышел из дома и сел в ожидающий его экипаж. Фон Гессен отправлялся на воды, прописанные ему лечащим врачом, дабы успокоить нервы. Велев кучеру трогать, он знал, что домой уже не вернется.

Глава третья

Когда Лена попала домой, она чувствовала себя окончательно вымотанной. От нервного напряжения, в котором она провела день, болела каждая клеточка тела, ноги налились свинцом, каменные плечи тянули к земле, заставив пропасть знаменитую бесединскую осанку, которой всегда завидовали подруги и отмечали все, кто видел Елену Николаевну впервые.

Всегда, в любой ситуации, она держала спину прямой, а плечи расправленными, бросая тем самым вызов обстоятельствам, но вот сегодня, пожалуй, впервые в жизни чувствовала, что непривычно горбится. Хотя, чему удивляться? Никогда до этого она не находила труп своего работодателя, не объяснялась с полицией и не проводила восемь часов кряду с женщиной, только что потерявшей мужа.

Галиной Беспаловой Лена по-настоящему восхищалась. Несмотря на то что мужа Галина Леонидовна любила и утрату свою ощущала остро, от горя она не обезумела, держалась с достоинством, не выставляя чувства на потребу чужих глаз, не устраивала истерики и сохранила способность ясно мыслить.

С того момента, как известие о гибели Петра Алексеевича разошлось по городу, дверь в беспаловский дом практически не закрывалась. Приезжали друзья и знакомые, коллеги Петра по бизнесу, вездесущие журналисты, работники культуры, чиновники из мэрии. Несмотря на то что Елене ужасно хотелось домой, она не могла оставить Галину одну, а потому отпирала и запирала дверь, встречала одних, провожала других, без конца кипятила чайник и заваривала чай, мыла чашки и слушала-слушала-слушала поток соболезнований в адрес Галины и панегириков в адрес ее мужа.

К шести вечера Елену уже тошнило от этой бесконечной круговерти, и она терялась в догадках, на каком внутреннем запасе энергии еще едет по никак не кончавшемуся дню Галина Беспалова. Ее старшая подруга никак не выдавала своей усталости, лишь тоньше становилась крепко сжатая линия губ, все больше каменели щеки и усиливалась поволока в глазах.

– Вам надо отдохнуть, – уже в который раз сказала Елена, закрыв дверь за очередным посетителем.

Кажется, это был довольно известный в прошлом криминальный авторитет, ныне крупный бизнесмен Владимир Перов по кличке Ванадий. Он был вхож в дом, по крайней мере, Елена видела его у Беспаловых не раз и не два, всегда удивляясь, что может связывать эстета и душку Петра Алексеевича с его шейными платками и Владимира Александровича, заправлявшего футболку в шорты и надевавшего сандалии поверх носков.

– Вам надо отдохнуть, – повторила она, – давайте я больше никого не пущу, а вы приляжете хотя бы ненадолго. Галина, я, честно, не понимаю, как вы еще на ногах держитесь.

Беспалова улыбнулась краешком губ.

– Деточка, все хотят как лучше. И негоже их обижать. Кроме того, если честно, мне даже легче, когда вокруг люди. Не представляю, как бы я пережила сегодняшний день, если бы была одна.

– Мне остаться на ночь?

– Нет, Леночка, не надо, я и так сегодня злоупотребила твоей добротой. Ко мне придет ночевать сестра. Она не могла приехать сразу, потому что на ней внуки, но вечером сдаст вахту детям и придет. Не волнуйся. Езжай домой, ты и так со мной весь день провела. Тебе тоже нужно отдохнуть. Сегодня всем досталось.

Лена вспомнила лежащего на полу ничком Петра Алексеевича и задрожала. В том, что ее ждет бессонная ночь, она даже не сомневалась, и ее еще предстояло пережить. Именно на сегодня Митька заранее отпросился к другу с ночевкой, чему Лена изначально противилась, потому что не любила, когда сын оказывался не рядом, а сейчас была даже рада. Объяснить сыну, что случилось, она бы не смогла, не в том находилась состоянии, чтобы найти нужные слова. Пожалуй, остаться у Галины было бы не худшим вариантом, потому что Лена страшилась необходимости остаться один на один со своими воспоминаниями.

Она бы и осталась, но ей очень нужно было домой: проверить возникшее у нее подозрение. Поэтому к предложению Галины она отнеслась с поспешной благодарностью, даже не стала дожидаться приезда ее сестры, получив заверение, что Беспалова вполне в состоянии провести около часа в одиночестве. Кроме того, пришли очередные визитеры – подруга Галины с мужем, она со слезами кинулась на шею, причитая и даже подвывая. Муж стоял в стороне, словно посторонний, со скучающим лицом оглядывая гостиную. Лена хотела, было, предложить чаю, но вдруг поняла, что больше физически не может хлопотать по хозяйству, смотреть на чужие слезы, слушать дежурные речи.

– Галина, я поехала, – не спросила, а, скорее, сообщила она. – До завтра. Если вам что-нибудь понадобится, то звоните в любое время.

– Спасибо, девочка моя, – благодарно улыбнулась Беспалова. – Я очень ценю все, что ты для меня делаешь. Отдыхай, потому что у нас впереди много работы. Мы с тобой должны выполнить волю Петеньки и отреставрировать дом Яковлева. Будем считать, что это наша с тобой дань его памяти.

У Лены перехватило дыхание.

– Конечно, Галина, я сделаю все, что смогу, – тихо сказала она, попрощалась и уехала домой.

Квартира встретила ее тишиной. Ну, да, Митьки нет, ночует у друга. Под ноги выкатился Помпон, с которым, к счастью, не нужно было идти гулять. Сын перед тем, как уйти, вывел пса на улицу и покормил. Это была его «зона ответственности», и этой совсем недетской обязательности, редко встречающейся в современных подростках, Лена сегодня была особенно рада.

– Привет, дружок, – сказала она и присела, чтобы почесать Помпона за ухом. У ее собаки была тонкая душевная организация, поэтому не поприветствовать ее должным образом нельзя – расстроится.

Помпон посмотрел задумчиво, явно оценивая перспективы, будут ли есть. Верно оценив его взгляд, Лена прошла на кухню, достала из специальной вазочки маленькое печенье в виде рыбки и протянула собаке, чтобы приободрить за проведенное в одиночестве время. Пес угощение принял благосклонно, но мордой выразил легкое сожаление, что ничего более вкусного не предвидится.

Лена вспомнила, что весь день ничего не ела, только три чашки чаю выпила, прислушалась к себе, пытаясь понять, примет ли организм еду, и поняла, что нет. Была у нее такая особенность – в минуты стресса чувство голода перекрывалось намертво, а любая попытка накормить себя насильно, приводила к спазмам в горле. Максимум, что она могла сейчас протолкнуть внутрь себя – это еще одна чашка чая, но чай все еще плескался внутри, периодически заливая горло чем-то кислым. Нет, пить она сейчас тоже не будет.

– Извини, Помпон, – покаялась она перед собакой, – ничем вкусным ты сегодня не разживешься. Ложись спать, потому что мне нужно поработать.

Пес глянул осуждающе: мол, как это, я так тебя ждал, а ты и не угостишь ничем, эх, – и послушно улегся в свою корзинку, стоящую в спальне, рядом с письменным столом, заваленном документами и чертежами. Все, что здесь было, укладывалось в стройную систему, вот только разобраться в ней могла только Лена, для всех остальных кипа бумаг являла собой пример полного хаоса.

Лена стащила с себя одежду, отнесла ее в стирку, чтобы даже случайно не оставить ни капли осевших на ткань воспоминаний сегодняшнего дня, пыльной затхлости старого дома, запаха крови, витающей в воздухе смеси ароматов смерти, страха, вины. Да-да, вины. Ее чуть заметную ноту Лена почему-то ощущала особенно сильно.

Наскоро приняв душ и вымыв голову, чтобы избавиться все от того же, казалось, въевшегося в кожу и волосы запаха, Лена влезла в удобный спортивный костюм, натянув его прямо на голое тело, и уселась за рабочий стол, чтобы, наконец, проверить мучившую ее с утра гипотезу. Рука на мгновение зависла над стопкой папок и уверенно вытащила нужную, ту, в которой хранились все материалы по их предыдущей совместной с Беспаловым работе – дому Балуевских.

Тогда, впервые приступив к такому масштабному мероприятию, как реставрация старинного особняка, Лена провела много времени, восстанавливая историю дома. Отчего-то ей казалось это важным, словно в ходе работ она могла не только восстановить несущие конструкцию и внутреннее убранство, но и вернуть в старый особняк его дух.

Балуевские были людьми очень известными, дом хранил действительно богатую историю. Но сейчас Лену интересовала только та ее часть, которая относилась к последнему его владельцу, Виктору Павловичу Балуевскому – художнику, уехавшему из родного города в Санкт-Петербург в конце двадцатых годов прошлого века, репрессированному в 1937-м и расстрелянному на знаменитом Бутовском полигоне в Москве.

Лена тогда и сама не знала, зачем так внимательно изучает этот период истории семьи. К тому моменту, как Виктор Балуевский погиб, в старинном доме он не бывал уже десять лет, а потому история его ареста и расстрела ничем реставрационным работам помочь не могла. Тем не менее Лена штудировала архивы так же добросовестно, как и всегда, и была вознаграждена. В числе бумаг, изъятых у Балуевского-младшего при аресте, нашлась тетрадь с подробными эскизами внутреннего убранства дома, в котором он родился и вырос, видимо, нарисованными по памяти в минуты ностальгии по детству. И эти эскизы здорово помогли Лене в ее работе.

Кроме того, именно в этой тетради, на отдельной странице была запечатлена эмблема рода Палеологов, которая тогда, два года назад, немало удивила Лену. В особняке Балуевских не было ничего, хотя бы отдаленно имеющее отношение к Византийской империи, и что значил этот знак она тогда так и не поняла.

Каково же было ее удивление, когда в материалах уголовного дела, обвинявшего художника Балуевского в шпионаже в пользу иностранных государств, она вычитала описание особых примет Виктора Павловича, в числе которых была свежая, сделанная незадолго до ареста татуировка на левом

предплечье. Конечно, про древнюю Византию следователи НКВД были явно не в курсе, но фотография татуировки, хранившаяся в деле, не оставляла сомнений: родовой знак Палеологов. Точно такой же, как на клочке бумаги, зажатой в руке мертвого Петра Беспалова. Да, получается, Лена вспомнила о Балуевском не зря. Понять бы только, что все это значит.

Собрав бумаги в папку, она убрала ее на место, потому что терпеть не могла беспорядка, встала из-за стола и, не раздеваясь, рухнула на кровать, чувствуя полное физическое и моральное истощение. Через пять минут она уже крепко спала.

Проснулась Лена от звонка будильника, удивившись этому обстоятельству, потому что не помнила, как его заводила. Вторая мысль, пришедшая в голову, тоже вызывала удивление: несмотря на все ужасы вчерашнего дня, спала она как убитая и без сновидений. Ни дух убитого Беспалова, ни образ безутешной Галины, ни раздражающий отчего-то до невозможности главный подрядчик, с которым ей предстояло тянуть лямку проекта до победного конца, не тревожили ее ночного покоя. Видимо, организм включил защитный механизм – выспаться, чтобы совсем не слететь с катушек.

Будильник продолжал звонить, и только тут Лена поняла, что это вовсе не он, а телефон, не поставленный с вечера на беззвучный режим. Похлопав рукой по тумбочке, она нащупала сотрясающийся словно в падучей гаджет, уставилась на экран, потому что после вчерашнего надеяться на хорошие новости было, как минимум, глупо, и облегченно выдохнула. «Шура», – определился номер.

– Привет, – не сказала, а, скорее, выдохнула Лена в трубку, нажав на кнопку и заставив, наконец, телефон замолчать. – Шур, ты даже представить себе не можешь, как я рада, что это ты.

– Я что, наименьшее из зол? – понимающе засмеялась трубка знакомым низким голосом с хрипотцой, от чего он делался сексуальным донельзя. За те четыре месяца, что Лена дружила с Шурой, она несколько раз была свидетелем, как все без исключения мужики от четырнадцати и до бесконечности попадали под магнетизм ее голоса, тут же превращаясь в дрессированных пуделей. Пудели были готовы носить тапочки, прыгать в обруч (если очень надо, то горящий), выполнять команду «служить» и играть на губной гармошке. – Беседина, во что ты опять вляпалась, скажи на милость? Я же только три дня назад уехала и на тебе. Мне уже нужно беспокоиться настолько, чтобы звонить Саньке?

Санька был Шуриным братом, правда, не родным, а сводным. Их родители, обжегшись на первых браках, как-то очень удачно встретились, объединившись в семью, в которой оказались сразу двое детей – мальчик и девочка. Александр и Александра. Саня и Шура. Были они одногодками, и на момент родительской свадьбы обоим исполнилось по пять лет. Чуть позднее в семье родился еще и общий ребенок – Олег. Но довольно большая разница в возрасте привела к тому, что особого взаимопонимания между ними так и не возникло, тем более что к младшему любимцу родителей оба ревновали нещадно и на этой почве сблизились еще больше.

Сводные брат и сестра были если не сиамскими близнецами, то точно попугайчиками-неразлучниками. В детстве это выглядело довольно умилительно, и родители нарадоваться не могли, что между детьми нет практически неизбежной в таких случаях конфронтации. Но позже, когда выяснилось, что Саня и Шура любым компаниям предпочитают общество друг друга, напряглись.

– Представляешь, когда нам было по семнадцать лет, мама даже выясняла, есть ли юридические основания помешать нам пожениться, – давясь хохотом, рассказывала Шура. – И это при том, что я всегда считала Саньку исключительно братом, и даже в мыслях не держала никакой инцест.

– Наверное, это нельзя считать инцестом, – пожала плечами Лена. – Вы же по крови не родные.

– Ну да. Кровосмесительства бы точно не случилось, но дело же не в этом. Мы реально были братом и сестрой, без дураков и глупостей. И то, что мама не понимала, нас бесило страшно. Нам просто было интересно друг с другом и скучно со сверстниками, но, разумеется, потом это прошло. Санька начал спать с девушками, я – кутить романы с мужчинами, причем исключительно старше себя, так что родители, к счастью, успокоились. Хотя то, что мы стали взрослыми, создали семьи, а потом развелись, на нашей близости никак не сказалось. Семья и романы отдельно, мы с Санькой отдельно. – И Шура снова весело захохотала.

Она вообще была хохотушкой и постоянно смеялась, весело, от души, запрокидывая голову и открывая крепкие белые зубы, которые привлекали к ней внимание во вторую очередь, сразу после необыкновенного голоса.

Лена познакомилась с Шурой Персиянцевой в первых числах февраля, причем совершенно случайно. Она гуляла во дворе с Помпоном, чувствуя себя отвратительно. Ломило все кости и ужасно знобило. Тогда Лена уже подозревала, что подхватила проклятый ковид, но не знала этого точно, просто без сил присела на лавочку у подъезда, ожидая, пока Помпон обтяпает свои дела. Митька эту неделю жил у отца, и Лена не знала, радоваться тому обстоятельству, что она, в случае чего, не заразит ребенка, или огорчаться: обычно с Помпоном гулял сын, и без него, проблема, в случае чего, становилась не решаемой.

Обдумывая этот вопрос по кругу, механически возвращаясь в отправную точку своих рассуждений, а также приглядывая за Помпоном, который ненадолго убегал под очередной засыпанный снегом кустик, а потом возвращался, глядя на хозяйку с укором – был почитателем долгих прогулок по раз и навсегда выбранному маршруту, который двором точно не ограничивался, – она не сразу услышала, что к ней, оказывается, кто-то обращается.

Перед Леной стояла миловидная высокая женщина примерно ее лет, одетая в джинсы, ярко-желтый пуховик и синий шарф, небрежно обернутый вокруг шеи.

– Простите, вы что-то сказали? – уточнила Лена, чувствуя такую нечеловеческую усталость, словно разгрузила вагон с углем.

– Я спросила, знаете ли вы, что вашей собаке нужно дать глистогонное.

– Простите, что?

– У вашей собаки глисты, и вам нужно дать ей лекарство, – терпеливо повторила незнакомка. – Если хотите, могу порекомендовать очень хороший современный препарат, совершенно не токсичный и очень действенный.

– А вы, простите, кто? – спросила Лена, чувствуя, как сухой язык с трудом трется о шершавые щеки. Она совершенно точно заболевала, и глисты Помпона сейчас интересовали ее меньше всего.

– Я – ветеринар, – сказала незнакомка, рассмеялась, и тут Лена впервые расслышала волшебные модуляции в ее необычном голосе. – Меня зовут

Александра Персиянцева, прошу любить и жаловать.

В этом месте их неожиданной беседы Лена потеряла сознание, а пришла в себя уже дома, уложенная на диване в гостиной. Открыв глаза, она увидела над собой встревоженное лицо незнакомой женщины и долго не могла взять в толк, откуда та взялась.

– Вы кто? – спросила она и закашлялась.

– Я – ветеринар, мое имя Александра Персиянцева, но все зовут меня Шурой, – услышала она и по необычном тембру низкого хриплого голоса сразу вспомнила случайную встречу во дворе. Господи, где же Помпон, и как они очутились дома? – Вам стало плохо, к счастью, вышедшая из подъезда соседка рассказала, из какой вы квартиры. Я нашла у вас в кармане ключи и отвела домой вас и вашу собаку. Не хочу пугать, но у вас сильный жар, поэтому, кажется, нужно вызвать врача.

– Я вызову, – вяло согласилась Лена, которой ужасно хотелось спать.

Кажется, она снова ненадолго отключилась, а когда очнулась, на приставленной к дивану табуретке стояла чашка со свежесваренным клюквенным морсом, а с кухни слышались приглушенные голоса – женский, уже знакомый, и мужской. Его Лена раньше не слышала. Бредит она, что ли?

– О, проснулась, – услышала она и с трудом повернула голову в сторону входной двери, в проеме которой стояла ее новая жизнерадостная знакомая. – Сань, ты слышишь, она проснулась.

– Это хорошо, – сказал незнакомый мужской голос, и в поле зрения Лены попал его обладатель – очень высокий, худой и совершенно лысый человек в очках. – Вы как себя чувствуете?

Лена сама не знала, как она себя чувствует, но послушно прислушалась к внутренним ощущениям, которые были, если честно, так себе.

– Вы кто? – спросила она у мужчины, – и откуда тут взялись?

– Я – врач, – сообщил тот покладисто. – А еще брат этой шебутной особы, которая помешала мне отоспаться после суточного дежурства и строго наказала ехать сюда. Меня зовут Александр Персиянцев, я вам со всей ответственностью заявляю, что вам повезло и не повезло одновременно.

– Можно уточнить, в чем именно? – осведомилась Лена, которой казалось, что она попала в какую-то искаженную реальность, словно Алиса, провалившись в кроличью нору.

– Не повезло, потому что вы подцепили новомодную болезнь, а повезло, потому что я умею ее лечить, – совершенно невозмутимо ответил он.

С того момента в жизни Елены Бесединой и появились брат и сестра Персиянцевы, Саня и Шура. Шура тогда забрала к себе Помпона на время Лениной болезни. Вернула через три недели, убедившись, что у ее новой подруги достаточно сил, чтобы с ним гулять, а попутно сообщила, что процедуру по избавлению от глистов Помпон прошел благополучно. А Саня приезжал каждый день, чтобы послушать Ленины легкие, придирчиво проверить, выполняет ли она его рекомендации и выдать новую порцию лекарств.

Из «новомодной болезни» Лена выпуталась без осложнений, а заодно получила надежных друзей, с которыми точно можно было пойти в разведку. Саню после того, как она выздоровела, Лена видела нечасто, только в тех случаях, когда ей требовалась мужская помощь. И Персиянцев, как бы занят он ни был, обязательно появлялся в ее квартире, отправленный сестрой на помощь, несмотря на Ленины робкие возражения. А вот с Шурой они сблизились очень сильно, и Лена даже представить не могла, что еще совсем недавно была незнакома с этим неукротимым сгустком энергии, веселья и позитива.

У Шуры вызывало восторг буквально все: и то, что Лена работает реставратором, и то, что увлекается историей, и то, что с придыханием относится к своему работодателю. При этом сам Беспалов, с которым Лена подругу, разумеется, познакомила, той совсем не приглянулся. Шура безапелляционно назвала его шутом и бонвиваном. Они тогда почти поссорились, но только почти, потому что поссориться с Шурой было решительно невозможно.

– Я, правда, ужасно рада, что это ты, – сказала Лена в трубку. – Отвечаю на все вопросы по порядку. Саньке можно не звонить. Но в неприятности я,

действительно, вляпалась. Шур, я вчера нашла труп.

– Чего ты нашла? – уточнила подруга, помолчав. – Беседина, ты там точно здорова?

– Абсолютно, не считая слегка расстроенных нервов, что в сложившейся ситуации совершенно объяснимо. Шур, я не шучу. Вчера приехала на объект и нашла там труп Петра Алексеевича.

– Твоего бонвивана? – уточнила Шура.

– Моего работодателя – Петра Алексеевича Беспалова.

– Где ты его нашла?

– Я же говорю, на объекте. В доме Яковлева. Я приехала туда на встречу с подрядчиком. Он опаздывал, я зашла в дом и обнаружила Беспалова убитым.

– Убитым? – в голосе Шуры слышалось сомнение. – С чего ты это взяла? Может, ему просто с сердцем плохо стало. Или того, тромб оторвался. Раз и ага.

– Его убили, ударив чем-то тяжелым по голове, – сказала Лена бесцветным голосом. Пережитое вчера настигло ее, ударило наотмашь под дых, и она вдруг заплакала. Горько, отчаянно, как не позволила себе вчера ни при полицейских, ни при противном Макарове, ни позже, перед Галиной. – Его ударили, и он умер, а я его нашла.

– Так, Беседина, я сейчас звоню Саньке, чтобы он приехал и вколол тебе что-нибудь успокоительное, – заверила ее Шура. – Ты почему мне вчера не позвонила? Все всегда в одиночку на себе прешь? А?

– Шур, не надо трогать Саньку, – сказала Лена и улыбнулась, представляя подругу так хорошо, словно видела ее сейчас воочию. – Я в полном порядке, просто, услышав твой голос, расклеилась. А не позвонила я, потому что ты уехала в Сочи, отдыхать. Всего на пять дней. Впервые за полтора года. Не хотелось портить тебе отдых.

На самом деле, Лена кривила душой, потому что вчера, в круговерти событий про подругу даже не вспомнила. А если бы вспомнила, то совершенно точно бы позвонила, не взирая ни на какой отдых, потому что за четыре с лишним месяца привыкла в любых обстоятельствах первым делом звонить Шуре Персиянцевой.

– Слушай, Беседина, а может его этот убил, подрядчик? – с жаром спросила Шура. – Ну, который, опоздал.

– Так он же опоздал, а не раньше приехал, – улыбнулась Лена. Зная кипучую натуру Шуры, можно было даже не сомневаться, что та с места в карьер включится в расследование и начнет строить версии.

– Так, может, он это для отвода глаз.

– Нет, у него алиби есть, – вздохнула Лена. – Это полицейские, первым делом, проверили.

– Так, я через три дня вернусь, и ты мне все расскажешь, – сказала Шура строго. – А за это время постарайся больше никуда не влипнуть, Беседина. Хочешь, я поменяю билет и прилечу завтра? Ну, или все-таки Саньке позвоню.

– Не надо менять билет, не надо никуда звонить! – возопила Лена. – Шур, я не ребенок, и мне ничего не угрожает. Расслабься и отдыхай. Поняла?

– Поняла, – подозрительно покладисто согласилась подруга. – Слушай, Беседина, а этот подрядчик, он как, ничего?

– В каком смысле? – не поняла Лена. Следить за скачками Шуриной мысли она успевала не всегда.

– В смысле, симпатичный?

Лена честно задумалась, пытаясь вызвать в памяти облик Дмитрия Макарова. До этого у нее как-то не было времени оценить его мужскую привлекательность. Первая встреча над только что остывшим телом Петра Алексеевича не очень этому способствовала.

– Мужик как мужик, – сказала она, наконец. – Высокий, крепкий, лицо открытое. Не красавец, но и не урод. Рубашка мятая. Дорогая, но несвежая. И на встречу опоздал по какой-то дурацкой причине. Сказал, что застрял в лифте. Представляешь?

– Врет, наверное, – безапелляционно заявила Шура, и Лене почему-то стало обидно за Макарова, который еще пять минут назад так сильно ее раздражал. – Либо проспал, либо скрывает что-то. Но ты не тушуйся, Беседина. Я приеду и во всем разберусь.

– Приезжай, – засмеялась Лена, тут же забыв про подрядчика и думая о том, как сильно успела соскучиться по подруге. – Только в положенный срок. И, пожалуйста, не дергай Саню. Я тебе обещаю, что за три дня со мной точно ничего не случится.

* * *

В эту ночь Дмитрий спал как убитый. Переделав тысячу рабочих дел, позвонив брату, чтобы обсудить с ним случившееся сегодня, кинув в корзину с бельем грязную рубашку, пожарив огромный стейк, именно так, как он любил, с кровью, и выпив положенный к мясу бокал сухого красного вина, он сел, было, на веранде, налив второй бокал, успел порадоваться тому, что сегодня ночует дома и может провести прекрасный тихий вечер в полном одиночестве, как вдруг понял, что упадет сейчас прямо здесь, на крыльце, не успев добраться до кровати.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Подробнее в романе Людмилы Мартовой «Лунная дорога в никуда».

Купить: https://tellnovel.com/ru/martova_lyudmila/alaya-grozd-turmalina

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить